

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

500-я
ЛЕТА
СЕРИИ

НИКОЛАЙ БАСОВ

КНЯЗЬ ДИОДОР

Николай Владленович Басов
Князь Диодор
Серия «Преследователи Тени»

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158799

Николай Басов Князь Диодор: Альфа-книга; Москва; 2007

ISBN 978-5-93556-956-3

Аннотация

С южных имперских рубежей в Миркву срочно отзывают сотника князя Диодора Ружеского. Глава одного из подразделений Тайного Приказа рекомендует его в качестве своего посланника в Парс, где, по сведениям мирквацкого посольства, чинится колдовство, которое грозит королю Фалимоту разорением и позором, а Империи – крупными неприятностями. Миссия князя Диодора – преступление раскрыть, злодеев наказать и, может статься, деньги, магическим способом украденные, вернуть. Для того выделяются верные люди и немалые казенные средства. А отбыть следует незамедлительно, пока еще не все следы утеряны и расследование возможно...

Содержание

1	4
2	14
3	20
4	27
5	34
6	39
7	44
8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Басов

Князь Диодор

1

Князь обогнал Стыря, который вел Буланку, груженую их нехитрым имуществом, в поводу. Дорога сужалась, иногда даже непонятно становилось, как тут розвальни могли протиснуться между деревьями, двум верховым рядом было тесно, коленями задевали друг друга. И снега нападало, князев Самвел, потряхивая гривой и прядая ушами, проваливался выше бабок, а ведь зима только началась, да и путь был, как князю подсказали на последнем постоялом дворе, торный, езженный и укатанный. А выходило иначе.

Стырь засмотрелся назад на Буланку, и одна из разлапистых веток скинула с него овчинную казачью шапку, обвалив еще и немалым сугробиком, парень даже зашипел от неожиданности. Но делать нечего, он остановился, неуклюже в теплом своем тулупчике сполз с седла, поднял шапку и побил об ногу, стряхивая мокрый снег. Князь его подождал, оглядываясь по сторонам.

В лесу было темновато. Дни стояли короткие, и сумрачность между высоченными елями со снегом на ветвях сгустилась. Стырь поправил сбрую своего а, взобрался в седло, тронул сначала Буланку, чтобы та не рвала лишний раз губы, потом уже и сам поехал к князю. Тот повернул Самвела на север, к Миркве, и неспешно послал его вперед. Места были такими, что лучше не растягиваться, ехать кучно, вот только – что же у них за кучность такая, всего-то двое людей да три лошади? Для любой лихой ватаги – пожива и только.

От этих мыслей становилось неуютно и как бы холоднее. Князь Диодор проверил пистолеты в седельных кобурах: оружие было вычищено перед дорогой. Он заставлял Стыря перезаряжать и насыпать сухой порох на полку каждое утро, и отстреливал пистолеты не реже, чем раз в три дня. Пока они служили неплохо, еще бы, это была добрая рукавская работа, из городка верст в двести на юг от Мирквы, почти там же, где находилось имение князей Ружеских, к роду которых принадлежал князь Диодор.

Ружа, добрая и почтенная, где до сих пор жила была матушка с кучей каких-то приживал, где на холмике стояла их церковка святого Полоты, по имени которого батюшка был крещен... Диодор еще ничего не выслужил, хотя годами был, пожалуй, уже постарше отца, когда тот сложил голову в какой-то безымянной битве со степняками, и даже тело его не сумели сыскать, дело-то ранней весной вышло, всех и найти в разбитом копытами снегу и размягшей грязи после того боя не сумели. А еще вернее, дрались конными, в широком поле, с маневрами и неожиданными охватами, перекатами отрядов на таком пространстве, что всего, когда кончилось, и не упомянули.

А князю до сих пор виделось, как горевала тогда мать, плакала даже за едой, как от несчастья она высохла и ослабела, словно больная, пока на нее приходской батюшка не прикрикнул, мол, не дело это – так-то горевать, ей жить надобно и сына воспитать. Как ни странно, помогло, княгинюшка успокоилась, стала ровнее, хотя и сердобольной сделалась, теперь-то об этом все знают, и множество людишек, что по тракту мимо Ружи тащатся, к ней забредают.

Небогат был князь, всего достояния – служба, оружие да конь Самвел. Хотя конь знатный, его не раз князю предлагали продать, всего-то сотнику по званию вряд ли такой был уместен, но Диодор Самвела не продавал. Конь его дважды выносил из боя раненного, и тем спасал жизнь, а может, и пуще того – уводил от позорного плена у горцев, которые слыли самыми беспощадными бойцами на южных рубежах рукавской Империи.

– Князь мой, нам бы до темноты на ночлег набрести, неровен час, в лесу ночевать останемся, – сказал Стырь, потирая нос и щеки, и князю немедленно захотелось сделать то же. – Волки местные, небось, нас уж почуяли. Да и встречных мы давно не видели.

– Ты бы, Стырь, не волков опасался. От них-то есть защита.

– Не-е, князь мой, не может, чтобы под Мирквой лихие люди шалили. Нам же, сказали, всего-то верст тридцать отмахать осталось – и не день пути даже.

– А я говорил тебе, когда еще на южном тракте до снега дошли, что перековать коней нужно. Чего ж ты не сделал?

– Так тот кузнец, который нам зимние подковы торговал, такие деньги запросил, я уж и не знал, куда глаза девать. Да на Миркве, когда доедем, мы за треть той цены перекуемся.

– Вот и не злись теперь.

– А я не злюсь, просто заговорил.

– Тише, – приказал князь, и Стырь умолк, прислушиваясь.

Молчком они ехали довольно долго, лишь скрипел снег под тяжелыми шагами коней да сбруя звенела в тиши вечернего, зимнего леса... И вдруг стало понятно, что же услышал князь.

В середине немалой поляны происходило что-то странное. Показались конные стрельцы в длиннополых кафтанах, окруживших несколько саней, видимо, задержанного зачем-то обоза. Стрельцы, впрочем, на него не все внимание тратили, тут же кто-то густым голосом выкрикнул распоряжение, с пяток стрельцов полетели к князю и его слуге, чтобы не дать снова в лесу спрятаться.

Князь подождал, пока длиннополые стрельцы не начнут его окружать, и лишь тогда, к своему вящему расстройству, понял, что это самая неудачная встреча, какая могла произойти. Это были архаровцы, городская стража Мирквы, о бесчинствах и необузданной жадности которой по всей Империи ходили самые неприятные слухи. Старшой разъезда еще издавдала закричал:

– Стоять, ждать... – И что-то еще, может, ругнулся без причины, по привычке.

Тон у него был самый непререкаемый, будто он уже заранее знал, что видит перед собой катов каких-нибудь, либо разведывательный дозор явно недружественной ватаги, а может, и целой вражеской армии. Стрельцы подъехали, замерли, цепко оценивая тюки на Буланке, оружие обоих путников и их коней. Глаза одного из архаровцев так и впились в дорожную сбрую, которой украшал Самвела князь, и в богатый, не вполне дорожный его кафтан.

– Уж не знаю, в каком ты чине, служивый, – миролюбиво обратился к старшему Диодор, – и кто ты по роду, но разве не учили тебя прежде представиться? Ты же не разбойник какой, ты же государев человек, стражник, насколько я понимаю, стольного города Мирквы.

– Надо же, он еще вякает, – удивился архаровец, и небрежно так потянулся за саблей, висевшей у него на поясе. Трудно сказать, хотел ли он достать клинок, или просто у него была такая дурацкая манера, но князь не стал ждать.

Он резко выволок из-за пояса свой дорожный четырехствольный пистолет. Это была штучка не кавалерийская, а для ближнего боя. Два нижних ствола взводились первым движением, и можно было из них стрелять. Потом следовало взвести два верхних, и дожимать те же курки для последующих выстрелов. Архаровец все понял и замер, сузив глаза от гнева.

– На государевых людей руку поднимаешь?

– Государевы люди так себя не ведут, стражник. Государевы люди сначала спрашивают, с кем им встретиться довелось.

– И с кем же я встретился?

– Сотник руквацких горских войск Диодор Полотич род Кастиан князь Ружеский.

И вдруг раздался совсем другой голос, спокойный, даже немного ленивый, сильный. В этом голосе чувствовалась привычка командовать, и куда больше достоинства, чем могло быть в любом архаровце. Так мог разговаривать только человек, умеющий воевать, не раз сходявшийся с настоящим, а не деланным, как у архаровцев, врагом в смертельном поединке.

– И зачем же князь Ружеский едет по дороге, которая зимой и проезжей не слывет?

Вперед выехал восточник с узкими глазами, тощенькой бородкой и темным, непривычным на таком морозе лицом. В руке у него была всего лишь длинная нагайка, но князь понял, что она может быть не менее страшным и быстрым оружием, чем его четырехстволка.

– Кому я должен ответить?

– Стрелецкий сотник Дерпен ог-Фасм дин Каз дин ал Линс, к твоим услугам, князь.

Диодор спрятал пистолет, так и не взведя курков. Нарочито неторопливо отстегнул крышку одной из сумок, висящих перед седлом, порылся в ней, выволок сложенную вчетверо дорожную. По вечеру прочитать ее было мудрено, но если восточник и не умел читать, уж печати-то он разбирать должен был. Впрочем, князь и в этом сомневался, слишком нагло вели себя стражники, могли на своеобразный грабеж решиться, не вникая в грамоты.

Восточник, тем не менее, читать умел. Быстро пробежал дорожную рысьими глазами, еще разок рассмотрел печати, вернул уже с легким поклоном.

– Следуй по своим делам далее, князь. – Он помолчал, развернул коня, посмотрел на подчиненных... А может, и не подчиненные они ему были. Он мог просто угодить в этот архаровский дозор по приказу, или отслуживая какую-нибудь мелкую провинность – уж очень он рознился от всех долгополых, плохо обученных, пожалуй что и глупых, неучтивых и пьяненьких.

– Все же, я хотел бы знать имя вот того, кто потянулся за саблей.

– Стоит ли, князь? Он поторопился, ввиду трудности службы... – начал было восточник, но Диодор оборвал его.

– Дорога не легче вашей службы, сотник Дерпен. Я не прошу, а требую, чтобы было названо имя этого человека.

Длиннополый нахал уже и не рад был, что потянулся к сабле. Сейчас-то он держал руку подальше от рукояти, даже приподнял ее немного, чтобы князь чего не подумал. И скосил глаза вбок, будто никогда и не видел этих двоих, на трех лошадях, выехавших неожиданно на его беду из лесу.

– Если не передумаешь дурь его раздувать, разыщешь меня в Миркве, там и поговорим, – чуть усмехнулся Дерпен и оборотился к архаровцам. – Поехали, что ли...

Те резво развернулись, словно только слова и ждали. Ну что же, решил князь, по-своему сотник прав – выдавать своих, какими бы они ни были, пусть и откровенно малопригодными к государевой службе, не с руки. За таким командиром подчиненные не пойдут, и авторитет его будет ниже травы. Может, князь Диодор и сам бы поступил так на месте Дерпена, вот только... У него не могло быть в сотне ни одного из таких оборотов и дураков.

– Еще вопрос, – крикнул им уже вслед, – до столицы далеко ли?

– По этой дороге, князь, версты четыре осталось, – приостановился Дерпен и вдруг улыбнулся, показав крупные, красивые зубы. – Как раз к вечеру успеешь.

И стало понятно, почему восточник Дерпен служил тут, а не где-нибудь еще. Он был крещен Патриаршей церковью, единоверец и князю, и Стырю, и даже... Если так можно было признать, всем этим людям, которые служили под его началом.

Князь кивнул, и они со Стырем поехали дальше. После этой дурацкой стычки ехать почему-то стало легче, уже не так томила дорога, и не холодно казалось. К тому же, архаро-

вещ не соврал, версты через две показались первые хаты, потом пошли дворы позажиточнее, а потом, князь и присмотреться не успел, как наступил город.

Мирква, третий мир, после которого четвертому не бывать, столица огромной Империи. Шумный даже на расстоянии, еще при подъезде, не очень чистый, с улицами, заваленными снегом поверх деревянных мостовых, с пятнами конского навоза под копытами, с колоколенками, видными издалика, словно бы светящийся куполами даже в наступивших сумерках, с непонятным запахом, ощутимым после легкого, лесного воздуха, который путники вдыхали до сих пор. Когда же они выехали на странную на таком тракте возвышенность, мигом стало видно все – Заречье, построенное напротив треугольного и древнего краснокирпичного кремля, и не вместившееся в него, широко расплескавшееся дворами и улицами полукружие Белого города, обернутое белой же стеной и упертое в реку, и даже еще дальше, уже более чистое и широкое застенье, с садами и привольными службами на подворьях.

Князь придержал Самвела, который играл, перебирая ногами, требуя, чтобы его поскорее определили в теплое стойло, чтобы обтерли, напоили и насыпали вкусного овса. Но князь все любовался, даже Стырь на него глянул пристально, не понимая, отчего они остановились.

А князь попросту думал, как ему теперь ехать. Можно было и через город, по этим нешироким улицам, мимо церквушек, в которые входили горожане на вечерю, через весь этот гомон и многолюдство, а можно и в обход, мимо белых стен, мимо сторожевых монастырей, по тихим, извилистым дорожкам, где не везде и ходят зимою. В таком снегу, да еще вечером, можно было завязнуть, поэтому князь решил ехать через город.

И как ни мягко вывалилась на них Мирква, все же князь испытал некоторое внутреннее неустройство от всего, что предстало перед ними. Сначала стало больше дворов, обнесенных глухими заборами, потом – всего разом. Людей и повозок, которые направлялись на свой постой после торгового дня, хмельных купцов и каких-то разряженных девок, тоже не всегда трезвых, стрельцов, которые ходили по двое-трое, скоморохов, намазанных красной свеклой и черной сурьмой, плохо одетой, пронырливой черни, нищих перед храмами, юродивых, торговцев разным разносным товаром от сластей и пирожков с рыбой до листов с карикатурами и новостями, возков разных, которые тоже съезжались к церквям, что побогаче, покрасивее видом, молоденьких студюзов с книжками в руках, среди которых были и восточники в зимних халатах, и степняки с прочими окраинцами, уже с запада, в свитках да высоких, непривычных шапках, немало вооруженной челяди в цветных кафтанах каких-то княжеских дворов, сам Диодор и определить не мог каких именно по долговому своему отсутствию... Все это кипело, бурлило даже, наполняя воздух шумом, нескончаемым гамом то ли голосов человеческих, то ли общим басовитым звуком города, как и все остальное, мало-знакомым, словно и не бывал князь тут прежде, словно не жилал на Миркве сызмальства.

Стырь смотрел, смотрел на все, да и начал:

– Князюшка, надоть бы не через город ехать. Тут же яблоку негде упасть, тут же конь копыто не опустит, чтобы не ступить во что-нибудь... непотребное.

– Молчи, – попросил его князь.

– А ты заметил, какие сабельки эти свитские теперь носят, ровно и не сабля, а так... Шпажонка, которой только капусту шинковать, и то, думаю, на первом кочне согнется.

– Они же не для боя их носят, а для формы.

– И я о том же, князь мой, все тут какое-то... не для жизни и не для пользы. – Стырь вздыхал, почти как его Огл, протяжно и с паром от вечернего морозца. – Ох, и за все это мы там, в горах воевали, жизнью не щадили ни своих, ни чужих... Знать бы ране.

– Знаешь теперь, – отозвался князь. – И что же, в бой не пойдешь? Подашься в ватажку лихую?

– Нет, – грустно, словно и впрямь сожалея, ответил Стырь. – Мне несподручно, я к другому привык. Не переделаться уже.

За белыми стенами стражников уже не стало, лишь повозки неторопливо протискивались, да редкие конники проскакивали, пригибая головы, чтобы рассмотреть путь под копытами своих скакунов. Князь пробовал не пригибаться, и не сумел, все же склонился, как и прочие. Таков уж был этот город – и знаешь, что проедешь, а все же поджимаешься, привыкаешь к тесноте и толчее, а потом, чего доброго, еще и отвыкнуть не можешь даже в чистом поле.

Снова пошли дворы знати, не главной, не такой богатой, как в Белом городе, но все же привычно, из поколения в поколение зажиточной, давно забывшей, что такое голод или нестиранная рубаха. Наконец, отыскали крепкие резные ворота, немало поплутав и рассомневавшись до того, что чуть ли не жалели, что не спросили дорогу у долгополых стрельцов, которым полагалось бы знать все дома и их жителей. Но все же князь Диодор нашел, или понадеялся, что нашел. Постучал сильно, кулаком, не спешиваясь.

За воротами сразу принялись гавкать собаки, и кто-то закричал. А князь, помимо прочего, отвык уже от деланной грубости слуг, видимо, приучился к обыденной восточной мягкости, которой в мирных, не боевых условиях и горские племена не чурались. На Стыря это тоже произвело впечатление, он заговорил, не понижая голоса:

– Князь мой, мы тут будем словно бы и не служивые даже, а так... прыщики на всей этой столичной морде.

– Ты думай, что говоришь, Стырь, – бросил ему князь, хотя и понимал, почему слуга так-то высказался.

– Эх, если бы ты меня послушал, – не снижая голоса, продолжал свое Стырь. – Не нужно бы возвращаться, женился бы ты на той горской княжне, зажили бы...

– Кто? – грубо запросили с той стороны ворот.

Князь назвал себя. Ворота не отрывались еще долго, но за путниками следили, и Стырь умолк, не хотел больше высказываться. Да и куда уж больше?

Ворота все же расползлись, князь направил Самвела, опять пригнувшись, потому что верхняя перекладина была все же низковата. Видно, хозяин подворья привык не верховым, а на возке разъезжать. Придержав Самвела, Диодор спросил для верности широкого, рябого мужика в одной рубахе, несмотря на мороз, который отворил им проезд:

– Двор кесарева стремennого князя Аверита?

Дворовый всплеснул руками из-за раздражения, что его оторвали от какого-то более приятного дела, допустим, от разговоров-пересудов в людской, либо от карт под рюмочку-другую. Прогудел простужено:

– Въезжай уж... Раз прибыли.

Видимо, князь угадал, это был двор Аверита, происходившего когда-то из знатнейших да богатейших на Миркве бояр, хотя в последнее время, как сказывали, обедневшего. Потому что служба у князя не задалась, да и не мудрено. Не любил Аверит ничего другого, кроме как книги читать, потому и ко двору Кесаря хаживал реже, чем следовало бы. И был еще Аверит другом покойного отца Диодора, князя Полоты Кастиана с тех времен, когда они по молодости служили на порубежье, и первая жена его была родной теткой Диодора, сестрой отца, то есть, приходился сотник хозяину подворья не кем иным, как свойский племянником.

Князя Диодора не узнали, но все же встретили, как положено, и дворня разная выбежала, даже помогли из седла выбраться. Он оглядывался по сторонам, пытаясь найти хоть одно знакомое между слуг лицо, но не находил, видно, после второй женитьбы князь Аверит и всех слуг взял от новой жены, или она настояла. Ей-то жить в мужнином доме труднее было, привыкать к новому укладу следовало, вот она и постаралась о своем удобстве. А

Авериту, скорее всего, это безразлично было, он только и хотел, чтобы его пореже от книг отрывали, да чтобы напитки разные не переводились, да обеды были вкусными и разными.

Диодор не сразу пошел в дом, посмотрел немного, разминая ноги после долгой езды, как Стырь, не доверяя коней местному конюху, сам принимается и лошадок обихаживать, и с вещичками их немногими разбирается, и все прочее на свой вкус устраивает. Слуги тоже поняли, что вновьприбывшие останутся надолго, по неведомому им пока, но законному праву, и стали помалу ему помогать.

Потом князь поднялся по красному крыльцу в палаты. В светлице, куда его провели, было так натоплено, что у Диодора едва дыхания хватало, но это было даже приятно. Он перекрестился на иконы, скинул кафтан, по-руквацки погрел руки о бок большой, украшенной изразцами печи, присел на боковую, вдоль окон, лавку. Но не вышло у него посидеть.

В комнату с плеском длинного, плотного халата вошел хозяин, князь Аверит, присмотрелся, по-птичьи склонив голову, и вытянул руки, чтобы гостя обнять, загудел тяжелым басом:

– Племянник, вот никак не ожидал! Что на Миркву пожаловал?.. Впрочем, разговоры потом, сначала покормить тебя следует.

Он улыбался, глядя, как Диодор уже по полному разрешению хозяина усаживается за большой стол, как он, тоже улыбаясь, смотрит на Аверита, замечая изменения в его лице, новые морщины, новое выражение глаз.

– Сколько же ты у нас не был?

– Лет шесть или семь, – ответил Диодор.

– Немало, – кивнул Аверит. И тут же обернулся к какому-то прямому и худому, как жердь, слуге, что маячил в дверях. – Что стоишь, неси, что есть, не видишь разве, гость приехал?.. Ты, кстати, как, у меня останешься, или?.. – Вопросительно глянул на Диодора. И сам себе ответил. – Нет, иного не потерплю, у меня стоять будешь. У тебя же своего дома в Миркве нет, вот тут и будешь жить.

– Если позволишь, князь.

– Еще как позволю. А то, понимаешь, и поговорить не с кем. Все куда-то бегает, я понимаю еще – в службу, а то ведь повадились просто так по домам разным ходить, и чем чаще и больше, тем, якобы, лучше, вот и ходят... Ко мне-то давно уже путь забыли, вишь ли, негостеприимен я для всех-то, я только для избранных, для своих, кого люблю, гостеприимен.

– Помню, – улыбнулся Диодор.

– Ну, сейчас водочку нашу, мирквацкую принесут, ее у меня Пелага отменно делает, ты помнишь Пелагу?.. Одна она у меня из старой челяди осталась. Остальные разъехались как-то, кто в имение ушел, кто на мой конезавод... Ты не забыл, как твой отец у меня, бывало, лошадей выезжал. Ох, любил он, любил... И кони его любили. Да у вас в породе многие без лошадок и веселья не знают, и слуги у вас такие же. Помню еще, у тебя был отменный коневод, Шамур, даром что на четверть степняк, а на вторую четверть цыган, так он...

– У меня его сын теперь в ординарцах, всю южную войну со мной прошел. Правда в мальчишках за вороватость прозвище ему дали неблаговидное, Стырем кличут. Но я его от воровства-то отучил, и он таким золотом оказался... Он и сейчас при мне, ты уж вели, мой князь, его принять, как следует, и накормить, и пусть он при конюшне побудет, пока я своими дела займусь.

– Да чего уж, если он в отца пошел, он от конюшни и сам никуда не денется, – махнул рукой князь. И обернулся к слуге, что внес росписной поднос, на котором уместился и графинчик, и две серебряных стопочки, и огурцы с оливками, и лимон с моченой брусникой. – Ты там поспеши с ужином-то, – сказал строго. Тут же налил и поднял свою стопку. – Выпьем

за твой приезд, и что успешно добрался, и старика вспомнил и уважил, и не к кому иному поехал, а ко мне.

До ужина, что решили собрать празднично, в большой палате, говорили о разном, вспоминали, что бывало, помянули и матушку Диодора, и первую жену князя Аверита... Но князь опечалился в меру, видно, любил теперь молодую свою жену, не хотел ее огорчать. А потом сели за ужин, который был, как и ожидалось, выше похвал. Князь Диодор, пожалуй, и не едал последние месяцы так вкусно и много, как за этим столом.

Нынешняя жена Аверита тоже к ним вышла, и рюмку женской водки выпила, но строго, без улыбок и внешней радости. Была она лет на пятнадцать моложе супруга, почти такой же высокой, как он, только стройнее, и вкрадчивой в движениях, что часто бывает с сильными, но худыми женщинами. Лицо у нее оказалось скуластым и с тонкими губами, что не часто сочетается, и серыми рукавскими глазами с жестковатым, почти мужским прищуром. Диодор никак не мог понять, красива ли она, но решил, что молодость и здоровье, которое в ней ощущалось, лучше, чем любая девичья краса, которой и цвести недолго, и проходит она безвозвратно.

Вот только его смущало: тетка его, княжна Ружеская, а потом, естественно, княгиня Ниобея Аверита, была веселой, деятельной толстушкой, грубоватой иногда, но умеющей любить и радоваться жизни. Она родила мужу четверых детей, но выжило только двое, а на пятых родах она скончалась вместе с ребенком. Эта же женщина была чуть не полной ей противоположностью.

Она смотрела на гостя со сложным выражением – и выжидательно, словно он должен был что-то неприятное для нее сообщить, и с любопытством, которого он тоже не мог уразуметь. А потом вдруг, без причины с его стороны, а может, он причину эту попросту не понял, стала она на него поглядывать с откровенным неудовольствием.

Но князь-хозяин всем был доволен, быстро начал хмелеть, даже разговор у него сделался заплетающимся. Князь Диодор уже хотел отправиться в баню, которую усердно топили на заднем дворе, но Аверит и не думал отпускать его. Убедившись, что племянник напился-наелся, он повел его в свою библиотеку, которая для него всегда была главным и самым приятным местом в доме.

– Сейчас покажу такое, что ахнешь, князь, – говорил он, обнимая Диодора за плечо. – Я на это четыре пуда серебра чистого извел, и еще не менее пуда придется тратить... Сам все увидишь.

Князь ожидал чего угодно, даже какого-нибудь заумного кодекса древнего царства, случайно уцелевшего в войнах, кипевших во времена великих завоевательных походов первой и второй, не рукавских еще Империй. Но то, что он увидел, было и впрямь неожиданно и удивительно.

Всю несоразмерно огромную комнату, потеснив даже любимое кресло князя и его диванчик, на котором он любил поваляться, занимал низкий, едва выше колена, прямоугольный стол, забранный легкой и плотной серой тканью. Диодор присмотрелся, это был редкий на Миркве шелк, почти невесомый, но крепкий и плотный до такой степени, что из него можно было, пожалуй, и паруса шить. Лежал он, по-видимому, на высоких, выше плеча, тонко изготовленных перекладинах из бронзы, которые проходили через весь стол и со всех его четырех боков. Князь Аверит закричал, повернувшись к двери:

– Свечей сюда, да поболее!

Тут же появился давешний слуга, который нес в обеих руках по здоровенному, на двенадцать свечей шандалу, чуть не приседая под их тяжестью. За ним следовали три мальчишки, каждый из которых тоже волок по такому же шандалу, приседая уже по-настоящему. Князь указал расставить свечи по четырем углам стола, а один поставить пока на столик сбоку, заваленный книгами, из которых торчали разные закладки.

– А теперь!.. – Князь Аверит привычно и умело сдернул завесу, и перед Диодором предстала чуть не вся руквацкая Империя, сделанная рельефными складками по всему столу. – Ты вот что, Тимоха, – продолжил князь, не оборачиваясь к слуге, и наслаждаясь ошеломленным видом гостя, – принеси-ка поднос сюда, да добавь вина, пива и полынной настойки. Мы тут теперь побеседуем обо всем, что на уме и на душе лежит.

Князь Диодор обошел сооружение – иначе не скажешь – и снова, и еще раз. Он не видел прежде такой искусной и точной работы, сделанной с таким любованием и явным удовольствием.

– Мне пришлось двух фрягов, искусных в ювелирности, из самой Гуни приглашать, да еще одного свена с севера, специалиста по картам и по книгам про путешествия. Они уж года три как меня обирают, но зато... – Аверит довольно улыбнулся. – Сам Кесарь ко мне, бывало, заезжает, не со свитой, а частным порядком. И Патриарх многожды бывал, чтобы на работу эту взглянуть. Они уже не раз предлагали ее им передоверить, что государь наш, что Патриарх, да я не согласился. Вот умру, – князь перекрестился, – тогда, говорю, и возьмете, а сейчас, мол, работа незакончена, многое уточнить нужно, переделать даже.

– Что же тут переделывать? – удивился Диодор. – Все в точности, как во сне – спишь и видишь мир наш сверху.

– Не в точности. По ширине, пожалуй, я сам проверял, все точно. Но горы, чтобы рельефнее было, пришлось повыше сделать, и реки некоторые жирнее, и озера чуть расставить... Да еще и города при этом сместились, вот смотри, Мирква наша, вроде, большой город... Ты не поверишь, в нем, как мне один подьячий из Жительного Приказа говорил, триста тысяч живых душ. Триста тысяч! А с мимоезжими да приезжими и до четырехсот может доходить, особенно во времена торжищ разных. А тут всего-то – пятнышко... В общем, города у меня тоже чуток увеличены.

– А по мне, соразмерность... карты этой вызывает восхищение.

– Знаю. Я когда эту штуку затевал, и не думал, что она такой красивой получится. Ан, получилась!

Они выпили, князь Диодор ходил, осматривал те места на макете, где бывал сам, где воевать приходилось. И не уставал удивляться совершенству работы.

– Ты смотришь смотри, князюшка, – сказал князь Аверит, – а все же объясни мне, зачем на Миркву пожаловал?

Диодор сказал, не отрываясь от зрелища, что его вызвали. А он должен был подчиниться. Аверит тут же стал задавать вопросы, что с князем Диодором в последнее время случилось? Тот отвечал, многое вспомнил, но не все, да разве за таким вот разговором обо всем, что с ним на войне бывало, расскажешь?

А потом случилась странная штука, вероятно, сам вид макета, или рассказ Диодора вызвал у князя Аверита необычайный приступ откровенности, неожиданный для него самого. Или рассказ гостя подсказал хозяину, как долго он так-то не разговаривал, и захотелось тоже сказать, какие мысли приходили ему в голову в последнее время, о чем читал и размышлял. А может, он уже изрядно нагрузился водочкой, и повело его... Немного.

– Князюшка мой, – заговорил Аверит вдруг другим голосом, напористым и сильным. – Ты посмотри только! Вот она – наша третья Империя, лежит перед нами скатертью. Кстати, однажды я видел скатерть у одного заморского гостя, на ней тоже карта была выписана, не так искусно, как у меня получилось, но тоже хороша была. Она-то мне и подсказала... Нет, не о том я хотел. Вот Империя, от западных морей и мелких королевств до Желтой страны, от северного океана до южных степей и гор, и еще дальше, до Черного материка. Ведь не бывало еще такой, и как говорят святые мужи, уже не будет.

– Так говорят, – усмехнулся князь Диодор.

– А ведь трещит она по швам, князюшка. Особенно, в последнее время. Иногда думаешь – а вдруг... Не выдержит что-то, лопнет, и тогда вся цепь наших усилий и работ, явлений всей нашей силы – рассыплется?

– Отчего же, князь, может она рассыпаться?

– Охо-хо, дела государственные... Я вот мыслю, князь мой, служивых людей теперь не любят, много денег у людей завелось, любой купец – как князь, разве это дело?

– Дело, князь, дело... – Диодор вернулся за маленький столик, заметил, что уровень водки в графинчике существенно понизился, пока он макетом восхищался, видно, князь Аверит времени не терял. – Иначе мы бы давно уже распались, развалились, если бы за старину да за земельные уделы держались. Много же земель под собой не удержишь, сил не хватит.

– Не деньги нашу Империю создали, и уж конечно, не сила, о которой ты, кажется, говоришь. Силой мало чего добьешься, да и не было у нас одной только силы, чтобы такую махину отгрохать. Создали мы ее и проще, и сложнее, князь. Создали мы ее верой, а еще правильностью какой-то, которая только в нас, рукавах имеется. – Аверит захмелел уже изрядно, князю Диодору и слушать его было необычно. – Ты вспомни, князь, когда Прохаз открыл неожиданно философский камень, когда стало понятно, что чуть не каждый полудурочок, которому что-то взбредает на ум, может стать колдуном... Настоящим волхвом, силу которого и осознать не всегда удастся нам-то, служивым... Так вот, когда они поняли, что это – их оружие, они стали пускать его в ход куда чаще и сильнее, чем хотелось бы. И стали они захватывать земли, стали править то тут, то там, то еще где-нибудь... И не было на них управы. Ведь было же? Было. И взвыли тогда правители разношерстные, поняли, что у них и земля из под ног уходит и власть из рук уплывает.

– Князь мой, – ответил Диодор, – ты же апокрифическую историю рассказываешь. Все же было иначе.

– Нет, друг Диодор, не иначе, а так, как я говорю. Видишь ли, мир наш, Богом созданный, не должен волшебством управляться. Пусть будет это волшебство, я не возражаю... – Аверит пьяно качнул чубом, наклонился к Диодору, понизил голос. – Пусть будут разные, и такие, что науками разными, ремеслами заняты, торговлей опять же, хлебопашеством... Но власть – это другая статья, это людям по праву рождения должно быть дадено, я так думаю. Да и как можно по-другому, ведь власть все же – от Бога... Если правит кто-то другой породы, чем мы, поколениями предков своих власть получившие, то не власть это получится, а навет и позор, неправда и неправильность... И вот, чтобы эти волшебники не взяли верх над людьми, не использовали странности человеческой природы как оружие, мы сделались...

– Да, князь, – улыбнулся Диодор, – есть и такая версия.

– Стали мы из Мирквы... – продолжал князь Аверит. – Вернее, только мы и создали церковь, то есть, научное ответвление при церкви, почти церковную школу... Чтобы волшебников этих разоблачать! И посылали святых людей, которые силой веры своей эту власть волхования научились... одерживать и укорачивать. Разослали их во все земли, которые просили нас об том, а просили-то тогда уж многие. – Аверит со значение поднял палец, обращая внимание Диодора на это заявление. – А еще немного времени спустя, поколения через два-три, не больше... Тогда светские власти чуть не всей земли уже стали приходить под нашу руку, потому что только она была верна и надежна. И разрослась Империя... Да как! – воскликнул Аверит неожиданно. Поднялся, качнувшись, чтобы еще разок посмотреть на макет на низеньком столике. – Не бывало такой Империи, которая вот так бы мирно и уверенно, всего-то за три-четыре столетия образовалась.

– Воевать-то все равно приходится, – высказался Диодор. – Святость святостью, а многие только силу оружия и понимают. Да и нет у нас уже святых с той силой веры, какая прежде бывала, когда Империю создавали.

– Не в войнах дело, без них не обойтись, где-нибудь у нас обязательно дерутся, слишком мы велики и богаты... И при том еще думаю, в святых таких-то, как прежде, необходимости нет. Ведь сила святости – невидимая, незримая сила, и если что-то произойдет, появятся и новые святые, и новые чудотворцы... Наоборот же, хочу сказать, волшебников уже тех нет, которые могли бы силой своего темного искусства людей поработать. И вот что получается, князь мой... Конечно, это хорошо, и страданий простых людей меньше в нашем-то мире, чем в прежнем, и власть надежнее... Да вот только будто позабыв все прошедшие века, что мы правили, что мы им помогали жить по правде, по-людски, а не под страхом жутких наказаний, все эти мелкие короли да султаны, курфюрсты и беи, все герцоги с мандаринами – все пробуют ныне власть на себя перетянуть. Словно и не было нас никогда, словно уже и не нужны мы им. А ведь самое печальное тут, может, и на самом деле не нужны?

– Так ты об этом думаешь, князь? – спросил Диодор для верности. Он устал и от этого разговора, и от дороги, и от выпитого, а может, и от самого князя Аверита с его непростыми мыслями.

– Получается, у нас и не было настоящей власти, – уже не вполне внятно ответил князь Аверит, продолжая спорить с собой, пробуя объяснять свои мысли себе же. – Так, лишь иногда помогали всем без разбора... А когда помогать стало не для чего... Ох, непростые времена грядут.

В комнате так же неожиданно, как и раньше, возник дворецкий. Постоял, вышколен был – выше похвал, ни слова сказать не решался. Но князь Диодор и сам понял, поднялся уже совсем, чтобы в баню идти перед сном. Да и пора наступила. Аверит мельком посмотрел на него, вздохнул.

– Ладно, знаю... И впрямь заговорились, – сказал князь-хозяин, уже без прежнего напора в голосе. Князь Диодор поклонился ему, прощаясь. Но Аверит все не хотел успокоиться. – Да, князь мой, тебя кто вызвал-то на Миркву?

– Твой сын, – отозвался Диодор. – Пресветлый княжич Выгота Аверитич, подьячий Тайного Приказа. – Он подумал и добавил, чтобы не обижать хозяина: – Завтра, если не возникнет каких-либо тайн и государственных секретов, расскажу, чем он меня встретил.

2

В кремле за красными стенами было тесновато, наверное, и по меркам местных жителей, не говоря уж о князе и Стыре. Те просто растерялись, не зная, где стать, куда отвести коней. И люди тут были все больше важные, в цветных кафтанах, в тяжелых шапках и с легкими саблями на поясах, изукрашенных камнями так, что глаза слепило.

Тем более, что стрельцов видно не было, спросить было не у кого, они тут если и виднелись, так только по стенам на постах. Князь Диодор посмотрел на это все, и ему захотелось назад, в тихую, провинциальную службу, где и гарнизон до последней собаки знаешь, и тебя все знают, и навозных куч по углам нет, а если они и возникнут невзначай, то можно любому служивому приказать убрать, и тот не посмеет распоряжения сотника ослушаться.

Стырь по привычке своей ворчал. Князь хотел было на него шикнуть, но передумал, пусть ругается, решил он, выражая этим, должно быть, протест против необходимости находиться тут, и против этого вызова, и против той невнятности, в какой оба оказались.

Только одно и радовало, что неожиданно высветило солнышко, и снег местами заискрился на крышах, да воробьи с голубями стали кружить стайками, выискивая то ли поживу, то ли местечко, где можно в лучах погреться. Однако, стало чуть ли не холоднее, только и было удовольствия, что от яркого дня. Тогда князь Диодор с сожалением понял, что помимо прочего, он привык на юге еще и к другому солнышку, и этого вот необычного ощущения другого света ему тоже не хватает.

В Приказе было натоплено, и оказалось очень много ожидающих чего-то людей, которые слонялись от стены к стене чуть не в каждой из комнат, что походили на приемные. Зато были и другие служки, которые писали что-то с непроницаемым видом за конторками, скрипели перьями так, что даже удивительно становилось – как же можно эдак всю жизнь проскрипеть? А все другое в жизни, а небо над крышами домов, над городом?.. И все, что его окружает, и что лежит в необозримых далях неохватных земель? Так нет же, пришлось вот этим-то ребятам скрипеть, и деланно, как показалось князю, суетиться, перебегая иной раз от одной конторки к другой, от одного человека к другому, чтобы... Вот зачем им было нужно, что они тут делали – оставалось для него загадкой. А он не очень-то и хотел ее разгадывать, был уверен, вызвали его для чего угодно, но только не для того, чтобы поставить за такую вот конторку и заставить выводить какие-то, пусть и ответственные, каракули на бумаге или на пергаментях.

Наконец, князь нашел одного паренька, который показался ему не таким озабоченным, как другие. У него и конторка стояла под окном, – зима все же, света мало, – и чистил он свое перышко не торопясь, вникая в это действие, и губы у него не были сложены в злую, неприятную складку... В общем, он показался князю таким, кто может ответить на вопрос.

Диодор и спросил, как ему найти княжича Выготу, подьячего, к которому у него дело. И это было ошибкой. Потому что парень тут же лениво потянулся, и даже отвечать не стал, а зашагал куда-то в угол комнаты, к маленькой, неприметной дверке. Там он остановился и удивленно обернулся, князь Диодор стоял, как стоял, недоумевая.

– Что же ты? – спросил его парень с улыбкой, то ли радуясь, что поставил непрошеного посетителя в тупик, то ли все же проявляя чиновную вежливость. – Я же проводить собрался.

– Вот как? – отозвался князь Диодор неопределенно, поправил кафтан, в котором в Приказе стало жарко, и пошел за пареньком.

Они миновали какую-то комнату, где пришлых было меньше, но пишущих гораздо больше, прошли по расшатанной, скрипучей лестнице наверх, потом поднялись еще, наверное, под самую крышу, и оказались... Вероятно, это была приемная, только другая, не для

тех, кто просто заходил с улицы. Тут-то парень, словно бы опомнившись, обернулся к князю и спросил его, принижая голос:

– А кто его спрашивает? Я внизу не расслышал...

Диодор смерил его взглядом и назвал, но дело свое не пояснил, потому что и сам его толком не знал. Писчик подошел к какой-то девице, которая сидела в углу комнаты, у дверей, ведущих неизвестно куда, ближе к окошку, и стал ей что-то шептать на ушко. Вот тогда князь Диодор и решил, что, должно быть, ради этой девицы парень-то и проводил его. Странны дела твои, Господи, подумал князь и стал выискивать глазами хоть какой-нибудь стульчик, где мог бы уместиться и снять кафтан.

Девушка тоже оказалась высокой, тощей, словно бы сюда, в Тайный Приказ брали только таких, и ко всему еще конопатой. Вот только это становилось видно, когда она иной раз поворачивалась к окошку. Выслушав пришедшего с князем писца, она кивнула, но ничего больше не сделала. Даже не посмотрела на князя, как он скидывал кафтан, и поправлял свой пояс, как по привычке перевешивал свою тугменскую шашку, чтобы не оставаться без нее даже тут, в присутствии. А это было непросто, ведь пояс висел теперь криво, да и ремни с ножнам перепутались... Ох, думал же Диодор, когда еще одевался в доме князя Аверита, что лучше ее будет по улицам нести через плечо поверх кафтана, и тут бы проблем не было, опять бы поверху перекинул, чуток в пряжке подобрал, и все. Но дурень Стырь не нашел наплечный ремень, ведь не разобрали же они вещи, да и проста шашка по виду была, для дороги больше, не для представительства, вот князь и согласился, чтобы хоть поясом побогаче ее простоту загладить... А не следовало.

И еще князь думал, как это в Империи манера такая завелась – девиц на государеву службу брать? Нет, оно конечно, если дело позволяло, то отчего же и девиц не брать? Вот только в тех краях, откуда князь прибыл, это было вовсе странно. Там девушек не то что в церковь едва отпускали, но обязательно к ним еще и охрану приставляли, хотя бы из поживших и во всем опытных женщин. А о том, чтобы местных, горских красавиц или, допустим, степных барышень в присутствии какое-нибудь без мужчины, вооруженного по полной форме, позволить – такого и в заводе не было. И нескоро могло появиться, даже если допустить, что Империя в целом весьма смягчающе воздействовала на старинные чужеземных народов нравы.

Князь устроился на стульчике, согрелся, даже ворот расстегнул... И прикорнул слегка. Лишь после понял, что ждет уже, почитай, часа два или больше. Он поднялся, размял ноги, подошел к девице, которая читала осьмушки листов бумаги, посмотрел на нее. Головы она не поднимала, поди насмотрелась уже на послушно ожидающего и задремавшего князя.

Другой бы смутился, что чужие люди видели его обмякшим во сне, но за годы своей службы Диодор научился кемарить при любой возможности, впрок, поэтому решил об этом не беспокоиться, спросил тугим, слегка осипшим голосом:

– Сударыня, долго мне еще ждать вызова?

– Ох, да... – девушка подняла все же голову.

И тогда князь увидел ее глаза. Ясные, спокойные, светлые настолько, что зрачок только и выделялся... Или освещение было такое? За последние годы князь привык к глазам темным, густо-карим или даже черным, лишь иногда он видел глаза светло-ореховые, а тут... Будто и не глаза совсем. Он-то и забыл, что у него самого такие же светлые глаза, от которых иные южные красавицы, бывало, не могли оторваться, чуть не в обморок падали, хотя и не понимал князь такого странного их поведения.

А сейчас сам чуть не присел от удивления под этим взглядом... Наверное, взгляд обещал в этой девушке и ум, и волю, и странную, немного жесткую и удивительную в барышне решительность. А еще, пожалуй, способность действовать, по крайней мере, князь был уве-

рен, что такая девушка не растеряется и на поле боя. Не могла она растеряться, если, не приведи Господи, придется ей в сражении оказаться.

– Дело твое я не поняла, но... – говорила она медленно, растягивая гласные, и чуть окая, напирая на них, должно, была из северных мест, или даже еще дальше, с берегов морей, что выливались в Полночный океан.

– Зачем же ждал так долго? – подсадовал князь.

– Вот и скажи мне свое дело, – предложила девица.

Князь достал из внутреннего кармана вызов, и молча положил его в самое светлое пятно на столе под окошком. Она посмотрела на князя внимательно, потом прочитала, еще раз прочитала и поднялась.

– Что ты же раньше, князь, не показал этого? – бросила она с упреком, помахивая в воздухе бумагой, словно Диодор и был виноват.

Исчезла за той самой дверью, которая ни разу не открылась за все время, что князь ждал, не за той, откуда он появился с писцом. Пробыла там недолго, вышла и чуть посторонилась. Смерила князя совсем другим, не строгим, а смягченным взглядом, и показала рукой – мол, проходи.

В кабинете было светлее, чем в приемной, и пустынно. Лишь со стен нависали полки, сплошь заставленные книгами, и были они разными: и самодельные из деловых бумаг, туго забранные хитрыми перевязками и новомодные печатные. Князь еще подумал, что такой библиотеки он и в доме князя Аверита не видывал. Но теперь-то, когда книги стали не переписывать, а печатать, много их набиралось, особенно когда переводить разные иноязычные труды начали. Это было необходимо, пожалуй, даже неизбежно, все же – Империя.

Лишь потом увидел он у дальней стены светлицы широкий стол, почти необъятный, за которым и сидел друг его детства, Выгота Аверитич, прозванный в честь одного из давних королей Пипином. Откуда взялось это прозвище, Диодор сейчас не вспомнил, но решил вспомнить позже.

Они росли вместе, гостили в домах друг у друга месяцами, вместе буянили, когда вымахали в недорослей, учились вместе, лишь после развела их судьба. И так получилось, что теперь Диодор – мелкий офицер с окраинной границы Империи, а давний его друг и родственник княжич Выгота – подьячий, глава какого-то подразделения Тайного Приказа, успешно делающий службу в самой столице. Какие между ними могут быть отношения, подумал князь, и зачем они, к чему приведут?.. Ответа на эти вопросы оставалось ждать недолго.

Княжич Выгота не встал, указал рукой, чтобы Диодор садился перед столом. Кресло, в котором уместился князь, оказалось знатным, не то что скромные стульчики в приемной, а обитое юфтью, с тиснением герба на спинке... Так и есть, со щитом и мечом, и еще другими завитушками, символизирующими старый, нынче редко встречаемый, но все еще действенный герб этого Приказа. Сколько это кресло простояло тут, в этом тереме, сколько в нем побывало людей?..

Выглядел Выгота, прямо сказать, не очень, глаза у него были холодные, жестокие, горевшие зеленоватым огнем, так мог смотреть человек или очень азартный, или уставший до того, что и сам не замечает усталости. Под глазами виднелись темные круги, может и впрямь, он много работал? Хотя по служивым Приказа на нижних этажах князь Диодор этого бы не сказал.

– Я сейчас, – сказал Выгота, откинул перо, которым что-то подчеркивал на большом листе перед собой, и потер глаза.

Для осторожности, должно быть, лист этот он перевернул вверх обратной стороной, вдруг посетитель что-нибудь да углядит на нем? Но в этом не было ни грана оскорбительного недоверия, просто у него такая была манера, такая привычка, он сделал это безотносительно

к Диодору. Затем Выгота попробовал улыбнуться. И не очень-то у него получилось, видно, разучились тут улыбаться, или еще не понял, что перед ним сидит родич и друг.

– Как доехал? Тебя позже ждали, – сказал он, подразумевая выполнение своего вызова. – Я так думал, ты не сразу в столицу поскачешь, а в имение свое завернешь. Ты сколько на фронте?

– Лет шесть тому получил туда назначение.

– И как там, в горах?

Обычный вопрос, обычный интерес. И рассказ у Диодора получился такой же обыденный. Ну, горы, в них засели разные тейпы, иногда воюют между собой, иногда дружат,.. если есть с кем совместно сражаться. Перед горами степь, орды бродят, иногда их тоже много, до семнадцати, которые приняли подданство Империи, порой они сливаются, и их становится пять-шесть, не больше. Атакуют горы, дерутся отчаянно, имперцев стараются не трогать, но конечно, и им достается иной раз. Поддерживать порядок сложно, бывает, казачий патруль вырежут, в прошлом году горный аул чуть не в триста душ угнали, и концов не нашли, кого винить в том, кого казнить – непонятно.

– Да, я знаю, – отозвался княжич Выгота, за время рассказа он снова потирал глаза, которые теперь стали отсутствующими, и огонь в них даже поутих. Должно, не очень-то рассказ этот его интересовал, или того пуще – если спросить, он бы толковее рассказал Диодору, как там у них, на южных рубежах дела обстоят.

Если сам все знаешь, подумал Диодор, зачем спрашивать? Но вслух не высказался, все же он видел перед собой начальника, подъячего приказного из Мирквы, не сотнику же ему перечить?

А Выгота-начальник на миг собрался, и вдруг заговорил другим тоном, уже не мягким и дружеским, словно вспомнил о своем чине и своем деле разом:

– Ты ведь там, на юге, разведкой занимался, а порой и политикой местной?

– Занимался, если это политикой можно называть.

– Вот это расскажи.

Диодор снова стал рассказывать, как искал неизвестного им пока вождя из диких, непокоренных горцев. Он на удивление умелым оказался, так устроил, что успешность горских атак резко возросла. Ответные же действия против них никак не удавались. Тогда возникла идея, что кто-то продавал этому вождю все планы, о том, что и как имперцы с союзниками собираются проделать. Вот только главные удары горцев приходились по ульмам степняков, а они – народ очень семейственный и верный договорам, и продавать своих никак не могли. А если предположить, что кто-то из имперских офицеров торгует военными планами, тогда... Но и этого быть не могло, такую разведку противника, если это была обычная разведка, они бы давно почуяли и разбили.

Тогда-то у Диодора появилось соображение, что это – колдун какой-то действует, который либо считывает сознание у кого-то из военачальников, либо внушает им неправильные идеи и распоряжения... Он написал докладную, после которой его заставили заниматься проверкой и разработкой этого предположения уже по-настоящему. Хотя и командование сотней с него не сняли, лишь перевели на гарнизонную, внешне тихую службу в оседлые казачьи селения.

– Это я знаю, – ответил Выгота, прервав и этот рассказ. – За последние три года четыре атамана у вас сменилось. Теперь вот прислали к вам Оприкона Шумейку. Как он тебе? – спросил, как и раньше спрашивал, без перехода.

Диодор подготовиться к такому повороту его любопытства не успел. Пришлось отвечать честно, как и сам о нем, о Шумейке, думал. Какой он резкий, даже грубый, бородатый, низкорослый, говорят, у него в роду почти все карлики...

– Долго не продержится, считает – как он сказал, так и будет, а ведь все не просто, и вовсе не так обстоит... Да и офицеры у нас особенные. Им нужно, чтобы они сами понимали, что делают. А как лучше сделать – каждый убежден, что он не хуже начальства знает. С такими советоваться нужно, или даже увещевать, если они в чем-то не уверены, а не приказывать. – Диодор подумал, быть ли дальше таким же откровенным, и все же досказал: – Понимаешь, у нас ответственность очень велика. Много, что на нас сваливается, нам же и решать приходится. И без такой самостоятельности – никак не получается.

– Ну, тебе-то грех жаловаться, ведь ты же самостоятелен, – усмехнулся Выгота. – Сам ведь напросился, сам и получил распоряжение... найти этого гипотетического колдуна? И как у тебя с этим?

– Искал, да вот чехарда с начальниками... Не успел, а тут и ты меня вызвал.

– Не жалеешь, что вызвал? Или рад, мол, за неудачу ответственность не нести?

– Нет, не рад, весной я бы его взял. Как бы горцы его не прятали, как бы не защищали. Ловок он, это правда... Но все равно взял бы.

– Твоими бы устами... Впрочем, это от тебя не уйдет. – Выгота снова изменился, стал еще строже, суше, тверже. – Тут такое дело, князюшка, из Парса к нам воззвали, как в прежние времена, похоже, колдовство какое-то у них завелось.

И умолк княжич Выгота, приглядываясь зорче, чем прежде, к собеседнику.

– Почему я?

– Ты же сам говоришь, еще бы весна, и взял бы того колдуна.

Ох, темнил что-то княжич-подьячий. Что-то еще тут было, вот только теперь Диодору и стало ясно, что от того, догадается он, чего не договаривает начальник, и зависит, выберут его для этого дела, либо нет.

– А почему не старца какого-нибудь к ним направить? Сам же говоришь – как в старые времена... А раньше мы всегда старцев к ним отправляли.

– Старцы не понимают в мирских делах ничего, а в политике – еще меньше. И кроме того, старцы слабых колдунов не чувствуют, не видят их. А тут, видимо, кто-то из таких.

– И что же я должен делать?

– Возьми подорожную, у нас сейчас с дорогами не просто... Авторитетные грамоты мы тебе не хуже, чем для иного посольства устроим, чтобы там не сомневались, что мы именно тебя на это дело направили... И в путь. Сначала доберешься до Руговы, сядешь на корабль торговой Унии, по Северному внутреннему морю дойдешь до Хонувера, там на конях... Нет, не выйдет, – оказывается, княжич Выгота и себя тоже прерывал, видно, была у него такая же привычка, как и глаза протирать без конца. – Придется тебе, князюшка, чтобы поддержать статус, карету выделить, и уже в ней... Опять не так, – княжич даже вздохнул. – Ты лучше карету там же, в Хонувере купишь, город богатый, торговый, с этим трудностей не будет. И напрямик до Парса, уже через месяц там окажешься.

– Понял, – согласился князь Диодор. – Дорогу, правда, я бы другую выбрал, но если ты именно так советуешь...

– Тут что главное, – сказал Выгота, – торопиться нужно. Велика опасность, что следы там замечают, и расследование станет невозможным. И некоторые действия тамошних королей и политиков станут необратимы. И слухи пойдут, для короля Фалемота самые неприятные, но и для нас тоже... А хотелось бы, чтобы ты все это раскрыл, раскопал, злодеев наказал и, может статься, деньги вернул. Тогда дело обернется простой неприятностью, какие всегда происходят, без особых последствий... – Он снова попытался грустно улыбнуться. – А последствия, ежели произойдут, могут быть весьма и весьма значительными.

– Скакать, плыть, торопиться – это понятно, – кивнул Диодор. – Но вот, подойду ли я тамошним? Я же и на феризе забыл, как говорить, с учебы в руки их книг не брал.

– Значит, согласен? – Почти воскликнул Выгота. И воцарилось молчание, потому что Диодор и не понимал прежде, что его согласие спрашивают. А Аверитич продолжил тогда: – В поддержку я тебе людей дам из наших, из Приказа, люди верные. – И вдруг сбился. Задумался, причем по-настоящему, уже оценивая что-то, что было недоступно Диодору, но что за всем этим стояло. – Лучше будет, если ты все распутаешь... Я за тебя перед Кесарем ручался, и перед начальством своим... – И он все же улыбнулся по-хорошему, сумел на этот раз. – По старой дружбе, и по родству нашему... Значит, и ты, если все получится, карьеру сделаешь.

А если нет, подумал Диодор, если дело окажется безнадежным, допустим, местные из Парса помешают, тогда все на меня и свалишь?.. Хитер лис, решил он, да только и мы не просты.

– И с кем я там должен работать? – спросил вслух. – Ведь не просто это, ни с того, ни с сего, свалиться к ним на голову, и начать ворошить то, чего даже они не сумели распутать?

– Лучше будет, – задумчиво проговорил Выгота, – если ты напрямую с послом нашим сразу же поговоришь, с князем Притуном род Чумисом, знаешь его? Впрочем, откуда... Он же там, почитай, лет двадцать живет, на Миркве и не бывает, даже женат там, только сына сюда учиться прислал, да дочь за кого-то из нашего Посольского Приказа выдал, чтобы родню не забыть... Он знает, что тебе предстоит сделать. Сам же нам об этом деле писал, правда, как-то неопределенно... Но ты все прояснишь и все устроишь, так ведь?

– Ты говорил, что людей еще дашь верных.

– Да, там, в Парсе, на людей рассчитывать – неправильно будет, они же сами замешаны в этом. Посему, дам тебе двоих... Нет, троих – так лучше будет. – И снова, по своему дурацкому обыкновению, спросил о другом, совсем не о том, чего Диодор ожидал: – Ты где остановился в городе?

– У батюшки твоего.

– Вот завтра к тебе и придут, – теперь Выгота задумался уже не о том, какие сферы это дело затрагивает, а о том, как бы все с ним, с Диодором, побыстрее и понятнее устроить, это было почему-то видно. По-крайней мере, сейчас он не прятал ни мыслей своих, ни мнений. – Да, будет лучше, если они придут прямо к отцу на подворье. Чтобы вас тут, в городе никто вместе не видел, а то, сам знаешь, народец бывает продажным, мигом донесут парскому послу, а через него не дай Бог... Придут трое, один – маг, не самый ловкий, но учился в трех университетах, западную магию знает лучше прочих. Другой все же старец, без этого нельзя, сам понимаешь, феризы к нам не просто так обращаются, а старину вспомнили. Третьим будет... – Выгота ощерился, словно даже воспоминание об этом человеке заставляло его напрягаться, – сам увидишь, боец – на загляденье. Тоже, кстати, сотник, как и ты, только стрелецкий. – Он подумал еще немного, и завершил свое объяснение. – Можешь положиться на них.

Теперь он смотрел на князя Диодора, словно бы ждал подтверждения, что тот не подведет. Видно, и впрямь, ставки в этой игре, по крайней мере, с его, Выгодиной стороны, были велики. Чтобы подчеркнуть это, княжич еще раз проговорил, едва ли не с угрозой:

– Но главный в этом деле – ты. И ты же за все в ответе.

Князь Диодор кивнул, хотя и сам удивился, что так-то легко на все согласился. Но делать теперь нечего, он поднялся из кресла, одернул по привычке полукафтанье, поправил шашку на боку.

– Я понял.

3

Князя Диодора разбудил такой истошный вопль, что он не сразу догадался, что кричит женщина. Открыл глаза, постель была обширной и мягкой, в голове немного шумело, потому что вчера, как он вернулся из Приказа, князь Аверит снова устроил небольшой, по его мнению, выпивон и разговорчик... Который, тем не менее, продлился за полночь, у Диодора и глаза стали слипаться.

Кричали все ближе, князь даже прислушался, что же в доме происходит? Вдруг дверь в его опочивальню распахнулась, и показалась та самая девица из дворни, которую выделили ему, чтобы за ним ухаживать, убирать постель, приносить воду и перебирать вещи, разумеется, с его согласия. Она и вопила, тараща глаза:

– О-ой-е-ей, что ж деется?! Кара-мурза какой-то к тебе, князюшка, к тебе!

Реакция князя Диодора удивила его самого. Еще не разобравшись в чем дело, и почему-то вглядываясь в рябое лицо дворовой девицы, он соскочил с кровати, путаясь в длиннющей ночной рубашке, допрыгал до креслица, в который бросил перед сном свою одежду, и одним рывком вырвал из ножен саблю. И застыл, подобрав свою дурацкую рубашку так, что его волосатые и кривоватые ноги конника, стали видны, должно быть, выше коленок... И только когда девица прыснула вдруг смехом, отвернувшись деланно, как всегда эти дворовые и делали, если заставляли господ в каком-нибудь не очень приличном виде, проговорила, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться:

– Нет, князюшка, не война же... Человек к тебе. – Она уже смотрела на Диодора, который смущенно перебирал пальцы на рукояти, не зная, что теперь делать. – Страшенный, грозный, черный, как грех... Ты саблю-то опусти, князюшка, он тоже вооруженный, но не воевать же сюда пришел.

Князь опустил клинок, дошел до кровати, стал озираться, чтобы привести себя в порядок. Девица и не думала уходить, оглянулась в коридор, закрыла за собой дверь и оказалась в спальне. Деловито прошлепала разношенными восточными тапками, вышитыми бисером и с поднятыми, заостренными мысками, видно, достались ей от княгини, стала перебирать одежду князя.

Диодор уже и сам понял, что так-то не следовало, а нужно было спросить ее, мол, что да как?... Армейская выучка подвела, если кто-то в лагере так голосил, то первым делом следовало вооружиться, уже потом спрашивать... Чем вызван крик и по какому поводу?... Штука-то была в том, что частенько спрашивать было некого, следовало самому разбираться, поэтому князь и бросился к оружию. Он заговорил хрипло после сна:

– А где шашка моя? Я же вчера, когда к князю Авериту ходил в библиотеку, со мной шашка была.

– К библи... теку? А-а, так это ты книжницу так назвал... – девица, оставив в покое одежду, принялась наливать воду из большого кувшина в фаянсовый таз, чтобы князь умылся, всмотревшись при этом в здоровенное, не по комнате, зеркало отличной венецкой работы, тонкое и прямое – на загляденье. – Нет, князюшка, про шашку твою не знаю, а саблю вон, как ты приказал, на кресло решила вешать, неужто не так?

– Раньше надо было, а то в Приказе с простой шашкой не знал, что и делать, – ответил князь. – А теперь уходи, не видишь что ли, мне умыться нужно?

– Так умывайся, я же не про то...

– Убирайся!

Девица медленно, чтобы князю стало еще и неловко, осмотрелась, усмехнулась странно, вышла все же и осторожненько прикрыла дверь. Лишь тогда князь понял, что пере-

полох, который она устроила, был таким же деланным, вызывающим, и возможно, на что-то намекающим, о чем сам князь не хотел и догадываться.

В большую трапезную для гостей князь вошел уже хорошо умытый, выбритый так, что кожу саднило, и за неимением своей шашки, которую забыл, видимо, в библиотеке Аверита, с саблей на боку. Он уже догадался, что прибыл кто-то из людей, которых обещал послать с ним в Парс княжич Выгота, и потому-то при оружии. Не следовало появляться перед подчиненными без оружия, даже здесь, в дружеском доме князя Аверита.

Он осмотрелся мельком и... остолбенел. Потому что посередине огромной гостевой трапезной стоял тот самый восточник, которого князь уже видел, когда они со Стырем подъезжали к Миркве, который одержал архаровцев и подсказал расстояние. А еще он, кажется, представился, вот только князь не очень-то запомнил длинное, как его сабля, имя... Все же князь вспомнил.

– Здравствуй, Дерпен ог-Фасм дин Каз.

– И ты будь здоров, князь Диодор род Кастиан Ружеский, – отозвался восточник низким и спокойным голосом.

Он был все же очень большим, даже не очень-то вмещался в эту горницу, чтобы не сказать иначе – он просто не мог втиснуться ни в одно привычное человеческое нормальное жилье. Ему следовало быть только в степной кибитке, или в шатре на две-три дюжины людей, или на коне под ясным, южным, степным же небом.

Девица, которая пробудила князя, вдруг высунулась из двери, посмотрела на всех, снова усмехнулась, показав неровные, но здоровые, молодые зубы, и исчезла. Дерпен чуть шевельнул плечами.

– Князя пошла звать. И чего она так-то причитала, когда я вошел?.. Едва разделся, она – в крик.

– Чумная она какая-то, – отозвался Диодор, – не обращай внимания.

– Нет, она очень красивая, – вдруг со странной смесью восхищения и смущения высказался Дерпен.

– Ладно тебе... Лучше вот что, сядем-ка в уголке, пока слуги завтрак собирают, да подождем князя Аверита за разговором. Откуда родом?

Но ни сесть, ни поговорить им не удалось. В трапезную стали входить слуги, каждый нес что-либо из еды, иногда на довольно больших и красивых блюдах, словно князь Аверит задумал не завтракать, а ранний пир закатить. И восточник замкнулся, не стал ничего рассказывать, лишь зыркал на каждого входящего, будто ждал, что в двери враг какой-нибудь должен появиться. И Диодор догадался, Дерпен не очень-то привык к мирквацкому обхождению, вот и опасается, что не сможет правильно князя приветствовать, или чем-нибудь еще невольно, по незнанию неучтивость выкажет. А это было бы для него неприятно... В общем, он был слишком напряжен, чтобы разговаривать даже о самых обыденных вещах.

Завтракать уселись все вместе. За столом напряженность не исчезла, наоборот, укрепилась и стала непреодолимой. Дерпен почти ничего не ел, лишь пригубливал иногда огромную кружку с крепчайшим бульоном, в котором плавал разваренный до кашицы лук. Кто догадался подать ему такую восточную кружку, Диодор терялся в догадках. Князь Аверит мучился от вчерашнего и тоже ел мало. Жевал какой-то ремень с горохом, иногда отламывал кусочек курицы, но и нежнейшее мясо, едва отведав зубом, откладывал с кривой гримасой. А еще на столе была вареная и печеная рыба, и что-то из дичи в виде жаркого, так что Диодор и не сумел догадаться, чем же это могло оказаться, и пропасть соленых огурцов и капусты.

Сам он ел гречневую кашу, залитую отличным топленым молоком, да на тарелку для закусок положил себе блинчик, в который была завернута какая-то вкусная рыбка. А потом важно вошла княгиня Настена, почти в парадном платье с высоким воротом. За ней следовала девушка с красными следами недавней пощечины, она отворачивала лицо, стесня-

лась, но дело свое исполняла молодцом, и подол княжеского халата уложила, чтобы Настене было удобно сидеть, и еды княгине быстренько положила без указаний... Лишь тогда Диодор понял, что они втроем, как простолюдины, наполнили тарелки сами, не ожидая ни слуг, ни приглашения князя. Вот это и была та неучивость, которую, как ни странно, проявил не гость Дерпен, а он сам, князь Диодор.

Эта идея, должно быть, отразилась на его лице, потому что Аверит вдруг, впервые за все утро, улыбнулся.

– А я уж и не знал, прочесть ли мне молитву?.. Ты, князюшка мой, не хмурься, я ведь не слишком набожен. Читаю за столом, только если похмельем не страдаю, и за ужином, конечно, когда день кончается. – Повернулся к Дерпену. – Ты крещен ли, гость ранний?

Тогда лишь разговор попробовал было наладиться, да снова не вполне удачно. Дерпен признался, что он – выкрест в первом поколении, что взят еще мальчишкой в плен, но потом, как вступил в службу, долго воевал на востоке.

– Ага, – не вполне по-княжески заключил Аверит, – тогда можно было бы молитву, и даже должно... Но уж как вышло.

Княгина ела мало, вернее, совсем не ела. Лишь иногда кивала, видимо, раздумывая о чем-то, и все чаще поглядывала на Диодора. Он ей определенно не нравился, или она опасалась, что теперь, как он появился в ее доме, что-то из налаженного порядка могло расстроиться, сделаться неудобным для нее, или неправильным по ее представлениям.

И все же она была красива, в этом князь Диодор решил ей не отказывать. И была в ней еще какая-то сила, возможно, характер был у нее не вполне моложавый, а скорее выдержанный, твердый, настойчивый, свойственный людям уже зрелым и опытным, вынесшим обо всем собственное, неколебимое представление. К тому же, она вела дом, и судя по всему, неплохо, удобно для князя Аверита вела.

Вот только крашеной она была не по времени, и не ела... Почему-то князь подумал, что скорее всего, она уже наелась в опочивальне. Диодор слышал, что теперь такая манера у изнеженных-то барынь пошла, в постели завтракать, хотя, если по чести, очень изнеженной Настена не выглядела. В общем, Диодор решил, что понять тут все равно ничего невозможно, а потому следовало думать не о ней, а о том, что делать дальше.

И опять вышло иначе, не успел князь ни о чем подумать, как внизу, в сенях раздался странный, ни на что не похожий шум, а потом в дверях на миг появилась все та же просто-волосая девушка, что разбудила его. Постояла бессмысленно, посмотрела на завтракающих господ и исчезла куда-то. А уже через минуту в открытой настежь двери появился еще один гость.

Князь Аверит, очевидно, ждал кого-нибудь другого, потому что даже крикнул от неожиданности. Он уже и привстал, чтобы обойти стол, но увидел прибывшего и снова сел. На этот раз уже налил себе почти полный бокальчик золотистого малярского винца, от чего прежде через силу отказывался.

А новый человек выглядел примечательно. Был он худ какой-то особой, нескладной, едва ли не мальчишеской костистостью, и на его впалых щеках золотилась неприбранная какая-то, не вполне уместная бородка. Волосы оказались у него очень светлыми, почти бесцветными, что особенно подчеркивалось тяжелой, в складках, серо-коричневой хламидой. В таких, как Диодор слышал, ходили западные монахи и магики, что делало неуместным появление этого человека тут, в самом что ни на есть рюквационном доме князя Аверита.

Руки человек этот причудливо выгнул перед собой и отдал общий поклон. Лишь тогда заговорил:

– Осмелюсь надеяться, что попал, куда нужно... Федр ди'Спартим, прозванный Густибусом. Меня известили, что появление мое не будет для вас неожиданным.

Маг, подумал князь Диодор, самый что ни на есть проклятый западный маг, или что-то настолько близкое к нему, что различия незаметны. Княгиня поднялась, мельком поклонилась новому гостю, и густым, грудным голосом сказала, обращаясь к князю Авериту:

– Я вижу, князь, у тебя полно дел... У меня, впрочем, тоже. Поэтому, не буду смущать гостей, пойду к себе.

– Иди, – кивнул Аверит, едва ли не с облегчением, – иди, княгинюшка. А мы уж сами тут управимся.

Диодор поднялся даже позже, чем успел Дерпен, и оба поклонами проводили княгиню. Вошедший в столовую маг тоже склонился, но не чрезмерно низко, а вежливо, хотя и в необычной манере, отставив назад ногу и снова вытянув вперед руку. Тут же поднял лицо, еще раз, уже внимательнее осмотрел всех и обратился к Авериту:

– Имею ли я удачу видеть хозяина дома?

Все собравшиеся довольно быстро познакомились, хотя это и было непросто, потому что после выхода княгини со своей девушкой, никто толком не знал, нужно ли продолжать завтрак. Лишь маг Густибус, как он себя назвал, окинул стол взглядом, в котором на миг блеснуло веселье, и тогда, конечно, пришлось садиться и снова приниматься за еду на своих тарелках.

А маг принялся уплетать все подряд, даже налил себе, по примеру Аверита, вина, которое пил, правда, очень осторожно, но похваливал. Вообще, усевшись за стол, он отринул свою деланную высокопарность, стал проще и словоохотливей. Он-то и сломал затянувшуюся паузу, принявшись, даже с набитым ртом, рассказывать о себе.

И оказалось, что он – не вполне маг в обыденном, привычном понимании. На самом-то деле, он оказался ученым, специализируясь на сравнительном маговеденье. Более всего ему понравилось учиться на западе, где он получил даже вполне уважаемый градуир магистра в Холмском университете. Это учебное заведение, по его же словам, было не самым большим или знаменитым в ученых кругах, но все же почитаемым за достойное и вполне приличное.

– Мне в Холмсе было хорошо, – маг Густибус улыбался, – быть может, даже более, чем подобает ученому. Чтобы не расставаться с этим славным во всех отношениях городом, я пытался там обучаться и на юридическом факультете, одном из старейших для мелких западных королевств. А хотя душа у меня к этому не вполне расположилась, и особых высот в казуистике я не снискал, но все же лицензиатом права могу называться без всяких оговорок.

Вот тогда-то князь Аверит приободрился, не каждый день к нему на огонек заходили люди с такими квалификациями. Он наполнил себе вином стаканчик побольше, чем прежде, и ему отчетливо показалось, что день все же может сложиться небезынтересно. А Густибус продолжил, наложив себе в тарелку еще блинчиков с рыбой:

– Но так вышло, что задержаться там на преподавательской должности мне не удалось, пришлось, в силу обстоятельств, о которых тут не место и не время упоминать, отправиться на восток. Вернее, на юг Империи, там я задержался на три года в медресе города Назынь, где...

Дальше он продолжить не сумел, потому что и Дерпен вдруг заинтересовался, Глядя на мага слегка скептически, он спросил:

– А ведь я бывал в Назыни. Хотя... не в медресе учился, а у тамошнего мастера мечей, по имени Алгриб. Ты его, случаем, не встречал?

– Нет, встречать мне его не довелось, почтенный ог-Фасм, – маг, как оказалось, даже имена все запомнил сразу и легко. – У нас, очевидно, были слишком разными интересы. Но я о нем, безусловно, слышал. Вот только в моих кругах, он был известен не как мастер мечей, а как известный поэт и философ, что на Востоке одно и то же.

– Верно, – согласился Дерпен, и на миг за его почти непроницаемой восточной маской промелькнула теплота, может быть, даже удовольствие от разговора. – Хотя по мнению многих, с кем я разговаривал там, его упражнения в стихах уступают его умению фехтовать. Кстати, – он быстро посмотрел на князя Диодора, – ученики меча не одобряют его стихов, слишком много в них темного, не всегда внятного.

Эти двое, без сомнения, найдут общие темы, решил Диодор. И всего лишь потому, что они тут, за тысячи верст от названной Назыни встретились, и у них нашлись общие знакомые. А может, они даже там и встречались, только не запомнили этого, потому что не обратили внимания.

– Друг мой, – начал вдруг князь Аверит, – ты находишься в руквацком доме, где темное в любом виде поминать не пристало.

– Ох, – почти беззвучно сказал Дерпен, – прошу простить мне неучтивость, князь. Я не всегда поступаю, как велит ваш обычай, потому что... всего лишь стрелец, служивый и уже по этой причине – невежа.

– Ну что ты, сотник, – смягчился Аверит. – Не стоит так уж... С кем не бывает.

А Дерпен еще раз поклонился, не вставая из-за стола, и тогда всем, но в первую очередь, князю Диодору стало видно, насколько восточник, в сущности, молод. Лишь непривычка к этому типу лица вводила князя прежде в заблуждение.

– Где ты еще учился, Густибус? – спросил Диодор.

– Совсем далеко на востоке, у океана, который тут принято называть Бескрайним, хотя на морских картах, которые я видел там, он носит другое название. Учился я в академии желтой расы, и золотого, Имперского достоинства.

– Неужто... – у Аверита даже на миг голос прервался. – Неужто в академии Золотого Бу? И до каких же высот ты там поднялся?

– Снова, не слишком высоко я взлетел, – маг улыбался теперь почти все время, напряженность, заметная у него вначале, растаяла без следа. – Но все же экзамен на звание гунь-фу второго класса заслужил. Впрочем, это лишь начальный этап обучения для настоящих мастеров, с коими мне пришлось, опять же, расстаться.

– Гунь-фу второй, – как зачарованный вымолвил Аверит, – значит ты должен...

И умолк, обдумывая, что бы и как бы сказать, чтобы теперь уже в глазах гостя не показаться невежей.

– Кстати, князь Диодор, – заговорил о другом Федр Густибус, – должен тебе подсказать, что прибыл я сюда пешком. И если мы должны куда-либо отправляться в путешествие, будет совсем нелишним, если ты обеспечишь меня какой-нибудь смирной лошадкой.

– Да, – кивнул Диодор, – лошади – это важно. Об этом, впрочем, я хочу поручить заботу моему слуге, по прозвищу Стырь. С ним вам придется непременно познакомиться. – Князь подумал. – А раз уж речь пошла о путешествии, которое мы должны предпринять, тогда, надеюсь, Дерпен, ты тоже проследишь, чтобы на имперской конюшне нас, случаем, не обманули и не подсунули одров каких-нибудь.

Дерпен послушно кивнул, соглашаясь с этим первым на новой службе, поручением. Но князь Аверит подался вперед, заговорив:

– Зачем же на имперской, князюшка мой? Если тебе на представительские расходы да на дорогу мошну выдадут, у меня лошадей и купишь. – Он стал хмуриться от раздумий. – Да я тебе таких коней отдам – загляденье! И прямо сейчас можно их посмотреть, у меня тут многие трехлетки стоят, самый возраст для гонцовых-то коней.

Через некоторое время, приодевшись, все вчетвером вышли из княжеского терема и отправились на конюшню. Она, по мирквацким обычаям, располагалась на заднем дворе, и хорошо отапливалась, потому как зима наступала.

В конюшне пахло навозом, лошадиным потом, кожей, свежими опилками. И кипела работа, да так, что некоторые из конюхов только в рубахах остались. Князь Диодор подивился такой вот армейской выучке в спокойном доме Аверита, но оказалось, что тут все забрал в свои руки Стырь, который не привык, чтобы волынили в уходе за лошадьми.

Князя Диодора это позабавило, Аверита удивило, но не очень, видно было, что он решил Стырю не перечить, когда тот вздумал погонять его конюшенную челядь. Все же, как бы там ни было, Диодор улучил момент, отозвал Стыря в сторонку, и проговорил ему негромко, чтобы другие не слышали:

– Ты вот что, хороших коней нам в дорогу присмотри. Похоже, мы их тут покупать будем.

Стырь сразу все понял и шепотом же отозвался:

– И присматривать нечего, они сразу заметны... Своих каретных, подобранных в масть, князь-хозяин не отдаст, конечно... А тот тяжеловес архаровский с нами пойдет?

– Это теперь наш сослуживец, сотник Дерпен, – ответил Оиодор. – Думаю, ему конь не нужен, он из конных стрельцов, у него свой должен быть.

– То-то мне показалось лицо его знакомым, – в раздумье проговорил Стырь, и вдруг вспомнил. – Так это он нас тогда на южной дороге?.. Ну, так тому и быть, раз сослуживец, старое вон. А кому же тогда мне коней подбирать?

– Да что ты о людях спрашиваешь? Это же моя забота... – Не стал Диодор говорить, что и людей ему уже нашли, что это оказалась, более чем его, забота княжича Выготы Аверитича. Но все же указал ему на мага. Стырь осмотрел его, вздохнул и отозвался:

– Наездник он слабый, ему придется кобылку поспокойней предложить, не то будет придерживать нас... Есть тут такая, иноход, как верблюдица, и несамостоятельная, будет держаться наших-то лошадок. – Теперь Стырь смотрел на стойла, а князь Диодор еще раз удивился этому его дару, ведь не жил он тут и двух дней, а уже знал лошадей, и даже характер каждой представлял себе не хуже, как если бы видел их еще жеребчиками. – Она не быстрая, но и не отстанет, особенно, если этот... арахаровец с нами поедет. Знаю я их коней, на вид здоровенные, а в долгом переходе и грудью волнуются, и ноги разболтанные.

Выслушивать эти разговоры Диодору не хотелось, другая у него была забота, поэтому он оборвал Стыря:

– Учти, еще кто-то с нами будет, ты уж и ему коня подыщи. Его, правда, с нами пока нет, но...

Тогда удивился Стырь.

– А как подыщешь, если его не видно? Каждому человеку – своя лошадка нужна, без этого – никак.

К ним направились все, и даже князь Аверит с Густибусом, которые не переставали говорить о чем-то возвышенном, совсем далеком от лошадей.

– Ты не очень-то, – буркнул, начиная торопиться, князь Диодор. – Сказано тебе, идти будем резво, вот на это и рассчитывай.

И вдруг от дверей конюшни раздался певучий голос:

– Мне сказали, что вы тут, добрые люди. Я – отец Иона. Меня прислал к вам княжич Выгота, как он сказал, для дальнейшей службы.

И действительно, у дверей стоял невысокий, в толстой зимней рясе, очень молодой и покрасневший от мороза батюшка в очках. Очевидно, он и был четвертым участником их путешествия. И несмотря на то, что стекла у него запотели, он улыбался, да так хорошо и покойно, что Диодор даже раньше, чем присмотрелся к нему, подивился, едва ли не позабывал его радости.

Будто не было в мире нигде вражды и неприязни, будто не было ни жестокости, ни злой магии, за которой теперь им, вчетвером, предстояло охотиться и которую следовало искоренять.

4

Выехали из Мирквы только на третий день, уж очень много нужно было сделать перед таким путешествием, Диодор даже расстроился, сколько хлопот потребовалось для этой, почти дипломатической миссии. Самому-то ему легко было собраться, и по армейской выучке он мог бы отправиться в путь со Стырем часа через два, как получил приказ от княжича Выготы, но для всех других потребовалось столько всего, что он только временами зубами скрипел, объясняя, чего хочет, туповатым или просто нелюбезным писцам в Приказе, всякого достоинства казначейским, служивым прочей масти и даже оружейникам из Арсенала, потому что неожиданно пришло распоряжение снарядить посольство знатно, с пышностью. А вот это, как ни смешно, более всего его и задержало. Едва-едва успели сходить в храм, чтобы помолиться, покаяться и благословение получить на дальний путь и, конечно, на удачное выполнение задания.

Когда выехали, даже легко стало, потому что все эти глупые, на взгляд князя, и может, действительно таковые-то, хлопоты, наконец, окончились. А впереди была дорога, дальняя и неожиданная, со всеми неустройствами и приключениями, которые каждое путешествие обещает, кто бы и как бы к пути ни готовился. Он даже по-новому стал смотреть вокруг, но более всего приглядывался к своим спутникам. На дальних переходах человека всегда видно, и едва ли не лучше, чем на исповеди... Если бы князь ее по какой-либо случайности услышал.

Мирква с этой, западной стороны показалась ему неожиданной, более зажиточной, чем с юга, когда он со Стырем к ней подъезжал, и ведь всякий знает, что Заречье считается богатым, а вот поди ж ты... И дома тут стояли более ухоженные, чем он привык видеть, и дворы были солидней, и люди отличались, словно и не из первопрестольной он отправлялся, а из какого-нибудь северного и торгового города, о которых в армии говорили, что там служить не в пример южным полкам сытнее и спокойнее.

И все же даже Мирква скоро окончилась, пошли всякие подгородние имения, терема, стоящие, будто церкви, на пригорках, чтобы вид из них был подальше, которые потом сменились усадьбами уже настоящего, вотчинного вида, и лишь потом появились дома разного достатка пригородного люда. Но иной раз и дом крестьянина был не хуже усадьбы, ведь видно же было, что крестьянин тут живет, а все же... И скотный двор у него был широк и ухожен, будто конюшня для племенных коней, и жилье в два-три этажа, не считая подклетей внизу, и службы выглядели не скромной деревенской постройкой, а блистали украшениями, росписью, резбой и такой чистотой, что только грязи под ногами коней на тракте удивляться оставалось.

Всем хороша была Мирква с этой стороны, глаз радовала, и сердце грела, вот только... Почему же только с этой стороны она так смотрелась? Должно быть, пробуя избавиться от ненужных мыслей, князь Диодор погнал коней шибче, чем привык в походе. Его Самвел, даром что здоровый был и свежий, пошел, как гонцовый конь, без усталости забирая снежную и скользкую дорогу под копыта. Да Огл под Стырем не отставал от привычного своего вожака, увлекая хоть и нагруженную больше обычно, но все же привычно заводную Буланку. А вот остальные коняшки...

Князь попробовал сообразить, может дело в том, что он приказал Стырю коней все же не перековывать на зимние подковы. Им же только чуть нужно было по зимнику пройти, до Руговы, верст под тыщу, не больше. Что это для хороших коней за путешествие?.. А там, на западе, наверное, и снега нет, только дороги мощеные, тогда шипастые подковы на них будут ноги коням бить вовсе немилосердно. Он и Дерпену сказал, чтобы к тому был готов, а уж

о тех двух лошадях, которые он для батюшки и мага прикупил у князя Аверита, и говорить нечего, их Стырь и сам бы на шипастой подковке за ворота не пустил.

Но в общем, пока лошади еще красовались, легко держали рысцу, зато седоки... Дерпен, конечно, справлялся, и конь у него – огромный, угольно-темный, с широченной грудью и такими высокими ногами, каких Диодор даже у верблюдов не видел, шел не очень верно и размашисто, но все же шел. Только неровно, то прибавит, даже Самвела перегонит, то вдруг отстанет, забив холодным воздухом легкие. А вот батюшка Иона на своей кобылке, со странным для лошади именем Щука, отставал. Хотя, пожалуй, еще не по своей вине, силы у батюшки были, он мог, пожалуй, в таком темпе, не один день скакать. Зато Федр Густибус на странном, невысоком коньке, которого неизвестно почему Стырь выбрал из всех, вероятно, не просто так названный Недолей, вовсе стал болтаться в седле, как избитый банный веник, а не всадник, едва они прошли верст тридцать, до Звенийска.

Князь даже спросил Стыря, когда они приостановились в Звенийске, чтобы и коням дать роздых, и перекусить чего-нибудь в обычном придорожном трактире, и Густибусу с батюшкой прийти в себя:

– Ты чего это Густибусу такого одра выбрал? Вроде про кобылку говорил?

– Э-э, князюшка мой, – отозвался Стырь, отводя глаза, по своему обыкновению, когда хитрил, – кобылку я почел батюшке Ионе более подходящей. А на этого Недолю ты бы поглядел, когда он в галопе... Ведь нам не о том нужно беспокоиться, что маг-то наш на дороге болтается, сразу же видно, что он не ездок... Зато, если гоньба начнется, скажем, от погони уходить, этот его Недоля так плавно пойдет, что и маг усидит. – Он даже вздохнул, картинно, чтобы князь в нем не сомневался и больше не спорил. – Каким бы снулым до того не казался.

– Так ты об этом подумал? – спросил князь. – О том, чтобы в карьере маг не оставал?

– О чем же еще думать?

– Надеюсь, от погони нам уходить не придется. Зато на дороге он...

– Кто знает, князюшка, кто знает? – Стырь уже смотрел смелее. – Лучше быть всяко готовым, аль нет?

Ох не любил князь, когда Стырь простачком прикидывался, и когда говорил не на чистой руке, а с этим своим южным балаканьем... Но делать нечего, покупать еще одного коня князь не решился, кто знает, вдруг Стырь правым окажется? Шли-то по таким путям, что по-разному могло обернуться.

В дорогу втянулись легко, но так всегда бывает, когда только из дома выходишь, хотя и думалось о разном, и все больше о грустном... Сильнее всего князя беспокоило, что ему не все обещанные деньги выдали, добавили еще какие-то аккредитивы к тамошним, западным банкам, хотя и сказали, что с этим у них там все очень культурно обстоит, стоит только предъявить, как тут же соберут указанную в бумаге сумму. Такого опыта у князя с западниками не было, он-то привык к весьма непростым выплатам, что у них в армии с восточниками случались. Но понадеялся, что на этом его, все же, казначейские дурачить не станут.

Еще ему приходило в голову, что сам он, как вотчинный хозяин, пожалуй, не слишком хорошо поступил, так-то быстро отправившись в путь, не поинтересовался, что в Руже его творится... Ведь одно дело – письма всякие, и совсем другое, если бы он своими глазами посмотрел, или в крайности, управляющего к себе вызвал, тогда бы яснее было.

И ведь мог он, при желании, немного поупрямиться, дожидаться кого-нибудь из имения, всего-то на неделю бы и задержался. Тогда бы у них и денег было больше, правда уже не государевых, а его собственных, но ему бы стало спокойнее... Все же и до него доходили слухи, когда на учебу какую-нибудь, или по другим обязанностям посылали людей на запад, там студиозусам подголаживать приходилось. А теперь одна только надежда и осталась, что князь Аверит, которому Диодор оставил что-то вроде доверенности, присмотрит за всем...

Хотя и был Аверит хозяин известный – ему бы только с дивана не слезать, да чтобы графинчик стоял уютненько под рукой... Эх, неправильно все же Диодор свое устроил.

На третий день Дерпен не выдержал, после небольшого спора, который походил на препирательства ветерана-командира с не очень удачным солдатиком, содрал-таки с мага его зимнюю рясу, и заставил нацепить один из своих кафтанов, который смотрелся на маге, как лошадиная попона на козе. Густибус по-прежнему протестовал, но... прошли день, и он успокоился, вдруг сообразил, что стало ему и легче в седле, и что-то там у него уже меньше побаливало. Хотя и продолжал он в седле болтаться киселем, особенно на третьем-четвертом десятке верст дневного перехода.

Честомысл пролетели легко, тут кто-то из прежних сослуживцев Дерпена обнаружился. Они поспособствовали, устроили на ночь в такую казарму при стрельцовой слободе, что все действительно неплохо отдохнули. Хотя Дерпену пришлось полночи сидеть с кем-то из местных за столом, и набрался он так, что для него не отдых получился, а одна мука. Но ему было не жалко, пожалуй, он только радовался, что спутники посвежели.

Смоляну миновали с какими-то купцами, которые, в целом, Диодору понравились, хотя могли бы двигать вперед и побыстрее. Но этому-то обозу торопиться было некуда, деревня, куда они направлялись, никуда убежать не могла, а леса пошли такие, что не одних волков опасаться приходилось. В общем, послушал умных советов князь, и не прогадал, никто их не останавливал, никто нападать на хорошо защищенный и многочисленный отряд не решился. Зато они славно в этом темпе передохнули, хоть и непривычно, – на переходе и вдруг коней не гнать...

Затем пошли уже земли старинной Ржеди, откуда еще лет двести руквацкие полки на запад маршировали, и которую сжигали ответными ударами западники, когда с ними еще воевали, бесчетное множество раз. Тут и ныне стояли какие-то полки, хотя и странно это было – в Империи и так близко от столицы настоящую армию видеть... Но князь присмотрелся, и сообразил, что были это новобранцы, и стояли они тут для доукомплектования, а не по военной необходимости, не иначе.

На всякий случай, Диодор завернул свой отрядик в Ржедь, остановились тут на отдых уже на две ночи и полный день, а он сам сходил в штабную канцелярию, чтобы узнать, не послали ли за ними еще какие-нибудь инструкции, или деньги эти клятые, вдогон. Как ни смешно, но штаб Диодору понравился, было что-то привычно-уютное в нем, и даже обычная армейская бестолковость ему глянулась. К тому же, как частенько получалось чуть не по всей Империи, во всех армейских канцеляриях, его тут же пригласили к тысяцкому, чтобы он рассказал за ужином какие на Миркве новости, или вообще что-нибудь рассказал. Здешний тысяцкий, барон Хурбина род Берку с Беркович оказался ему чем-то вроде дальнего родственника, по крайней мере, он неплохо и княжича Выготу знал, а уж про Аверита, наверное, мог рассказать такое, о чем сам Диодор никогда не догадывался.

И ужин получился такой, что теперь уже не Дерпен, а он сам на следующий день в седле мучился похмельем. Дерпен, конечно, как офицер князю подчиненный, тоже был приглашен, но пил мало, больше за князем приглядывал, которому этого вот гостеприимства досталось нещадно... Его и на другой день приглашали, чтобы продолжить веселую жизнь армии на зимних квартирах, но он сказался необходимостью и не остался.

И все же, оглядываясь на этих посиделках по сторонам, он обратил внимание, что тут было уже много северян, светловолосых и белоглазых, будто и не люди они, а какие-нибудь русалы из старинных легенд. Вели себя эти ребята тоже не вполне привычно, но к князю, должно быть, из-за его знакомства с командиром, отнеслись добродушно и приветливо. Вот только кичливость в них все равно проглядывала, привыкли они тут нос драть, особенно макебурты, которые полагали, что им и Мирква – не закон, хотя в большинстве своем были они патриархального крещения. А в общем, их и в первопрестольной не слишком любили,

считали не вполне сытыми даже, привыкшими на деньги Империи жить и из Мирквы всякое довольствие получать.

За Ржедью снова пошли неплохо, вот только между магом и батюшкой какое-то напряжение возникло. Они, когда не скакали, почему-то все время спорили, и ни до чего не договорившись, друг на друга дулись, отчетливо сожалея, что оказались рядом. А потом снова принимались что-то такое выяснять из отношений религий и магий, составляющих духовный смысл Империи, что даже такой терпеливый человек, как Диодор, недоумевал.

Ну какое дело магу было до верований булкиров и их крещения от святого Перматы Плащника? Или наоборот, что мог старец отец Иона сказать об огненных столпах гульсарских земель? Ан поди ж ты, только устроятся на ужин после перегона, только отогреются, как отец Иона начинает:

– Все же, Густибус, раздумал я над твоими словами, что ты мне давеча высказал... Не могли эти столпы вызываться с верой, тут больше магического строения.

– Но ведь отец Прокий, – тут же, как на зов полковой трубы, отзывался Густибус, – признанный ваш старец, писал в «Одолении Невзрачия Огненного», что «нести верований чистых и нечистых, несть ни хоругви, ни штандарта, под которые верующий побоится встать ради дела благого и верой одобряемого, буде оне даже магиками держаны»...

И снова начиналось такое, что Дерпен густым своим басом пробовал осадить мага. А вот когда батюшка чрезмерно увлекался, приходилось вступать князю Диодору, хотя всегда, уважая сан, он прежде взглядами показывал отцу Ионе, что не следует так-то не дружить.

Диодор даже пожалел немного, что именно этих двоих в его команду Выгота назначил, но продолжалось это не слишком долго, лишь до той поры, как эти двое спорили-спорили на ходу да в тишине леса, и доспорились... Под какой-то деревушкой, прослышав их голоса, местная шантрапа из ополчения какого-то местечкового подкомория, собранная, как впоследствии выяснилось, уже не вполне православным старшиной, попыталась их едва ли не ограбить. Пристали-то местные без ума, толком не спрашивая, кого перед собой видят, привыкли, должно быть, с купчишками дело иметь... Вот тогда Дерпен, не доставая оружия, огрел старшину ватажки, который хамствовал более других, своей плеткой по лбу, и этот, с позволения сказать, воин зашатался в седле, отъехал на пару шагов и свалился под копыта коня. Пришлось его, бедолагу бездарного, поперек седла до деревни тащить, в окружении его же воинства.

В общем, дурацкая, конечно, получилась история, Диодор даже подумал, что и сам бы справился, утихомирил дураков ополченских, вот только не успел – Дерпен быстрее управился, хотя и грубее. А вышло даже неплохо. Подкоморий местный, выслушал своего старшину, когда тот очухался, сообразил, что же у него вышло, и чтобы на него не жаловались, устроил им отменный постой. Хотя ночью и опасаться приходилось, что старшина все же, по вольности своей, попробует навестать упущенное, но... не решился он. Дерпен уж очень грозным выглядел. Зато батюшка с магом, когда им князь объяснил, что они виновны во всем произошедшем, больше не спорили.

К исходу третьей недели вышли, наконец, к Ругове, и выяснилось, что, не считая некоторых задержек и непременно отдыха, чтобы коней не сморить, перегоны у них получились в среднем верст по полста, для зимника – совсем неплохо, а если считать, какими наездниками были батюшка с магом, то и вовсе хорошо. Пожалуй, только для Диодора на Самвеле да Стыря, пусть и с Буланкой в поводу, это казалось не слишком удачным. Но они-то привыкли к безудержной степной скачке, где гонят, пока кони сами не остановятся...

Город начался, как и другие здешние города, с мелких, тихих и спокойных мыз и деревушек. И дома тут оказались с высокими крышами, над которыми торчали совсем не рукавского вида трубы. Да и люди были иными, зато оказались они любопытными, стоило отряду въехать в какое-нибудь из таких-то поселений, как тут же высыпали на улицы детвора и жен-

щины, чтобы посмотреть на имперцев. А то и мужики в непривычного вида короткополых кафтанах выходили на дорогу, иной раз просто смотрели, а иногда даже пробовали заговорить. И ни страха, ни опаски у них не было, может, потому, что заборы тут были едва в рост человека, на Миркве с таким забором у любого бы добро потащили чуть не светлым днем. А тут как-то обходились, может, и воровства у них не было?

В Ругову прибыли, когда уже темнеть начинало, слишком на местную жизнь засмотрелись, ход сбавили. По обычаю провинций ворота, к которым их дорога вывела, оказались уже на запоре, впускать путников в несветлое время суток полагалось только по необходимости.

Но стоило князю пояснить, кто они и откуда, как из какой-то невеликой на вид будочки выскочил молоденький офицерик с перевязью, кажется, корнета, в шляпе, но без плаща, видно, очень он этой перевязью гордился, и старался, чтобы ее и под факелами видно было, и стал, путая местные слова с руквой, медленно высказываться:

– Мейне херрен, дозволено мне докладывать... Докладывать, что надлежит обратить внимание... Спросите...

Вот тогда-то князь Диодор и припомнил свои муки с учебой этого говора, и видимо, получилось у него твердо, потому что корнет обрадовался и, уже не путаясь, прояснил ситуацию на макебурте:

– Надлежит вам обратиться к коменданту таможни, он предупрежден.

– Неплохо, – сказал князь, когда они тронулись на изморенных лошадках по улицам Руговой, в сторону портовой таможни, спросив предварительно краткую дорогу у того же корнета.

– Все может и иначе выйти, – вдруг довольно хмуро высказался Густибус. – В Империи рубежа нет, а тут, на западе...

Он отлично понял разговор с корнетом, которым князь так возгордился, а может, сумел бы еще лучше, еще чище высказать о том, кто они такие, и вызнать всякие обстоятельства.

– М-да, наслышаны, – сказал вдруг и батюшка. – Ну, да ведь это теперь не Империя, а чужбина.

– Чужбина – не мед, – вмешался и Дерпен неожиданной поговоркой, – да есть приходится.

– А пиво их мне не нравится, в нем кислоты настоящей нет, – вмешался Стырь. – Взять хоть наш хлебный квасок...

– Нам бы не о пиве, о постое позаботиться, – буркнул князь.

– Так и я о нем, – искренне удивился Стырь.

Таможню нашли легко, потому что почти все широкие улицы вели к порту, и лишь проулучки боковые, глухие и освещенные только окнами на верхних этажах домов, не спускались к морю. И тут выяснилось, что их действительно ждут.

Даже определили в какой-то портовой корчме, не самой презентабельной, но вполне удобной после многодневной-то гонки, когда и спать каждый раз приходилось выбирать – еще до следующего ямщицкого хотя бы двора добраться, или в лесу остановиться... Впрочем, ни разу в лесу не останавливались, это князь Диодор мог себе за достижение записать. Все же обжитой был край, и тракт наезженный, не из таковых, что с юга на Миркву вели.

Они едва успели в этой корчме расположиться, как к ним, заметно запыхавшись, прибежал бледный с белесыми сальными волосами писарь из магистратуры, который на довольно чистой рукве стал говорить, что чуть не неделю занимается их делом. И что они уже завтра могут грузиться на унитский транспорт «Политурс», чтобы плыть в Хонуввер. Видимо, юноша этот проделанной работой гордился, потому что частил, выговаривая слова с такой силой, что слюной брызгал:

– Предупрежден о срочности вашего похода, поэтому постарался... И удалось устроить так, что заходов в другие порты у корабля не будет. И еще, замечайте, корабль выбран с надежностью и умом, на нем есть место для коней.

Князь, сидя за грязноватым дощатым столом, с удовольствием ощущая, как тело отогревается пусть жиденьким, но все же теплом общего для таверны зала, спросил, деланно хмурясь:

– Ты, парень, лучше вот что скажи, деньги из Мирквы недостающие, наконец-то прислали мне, или как? – Он подождал, пока писарь удосужится понять его. – Потому что, так и знай, я предупрежден, за получение этих денег в Хонувере даже подъячий Приказа княжич Выгота, уже не поручился. Там же, как мне сказали, деньги и вовсе могут меня не застать.

– Для денег тебе надлежит, господин надпоручик, – юноша стрельнул глазами в князя Диодора с опаской, вдруг ошибся в чине, но ничего, кажется, этот имперец не слишком заботился о своем официальном звании, – завтра выявиться в магистрате...

– Появиться – у нас говорят, – буркнул маг. Он не отходил от князя, на случай, если потребуется в какой-нибудь ситуации переводить.

– Так, выявиться, – не вполне уразумел его писарь.

– Ладно, – решил князь, – завтра, так завтра. А когда я могу найти капитана этого твоего транспорта? Как его зовут, кстати?

– Зовут его, как было предложено, «Политурс», что на языке далеких отсюда унийцев значит...

– Значит, пойдем на корабле торговой Унии, – сказал батюшка с неодобрением. Ему отчетливо хотелось еще хотя бы неделю, что придется провести на корабле, оставаться в Империи, на ее территории, пусть и размером с палубу суденышка. – А почему не на нашем?

– Другие – торговые, очень много будут заходить в порты не вашего предназначения, – терпеливо, видимо привыкнув к некоторой непонятливости всяких мимоезжих из Мирквы, пояснил писарь.

Вот так теперь и будет, решил князь Диодор, ему говоришь одно, а он тебе – другое. Впрочем, и мне, видимо, придется многое вспомнить из чужих-то наречий. Знал бы, что так обернется, можно бы... Впрочем, что бы он сделал, князь и сам не вполне сообразил. Потому что в таверну вдруг вошел еще один из городских стражников в кирасе, и с небольшим, почти рукавским бердышем, за которым следовал изрядно нетрезвый, сухопарый, желтый лицом, и совсем не моряцкого вида человек. Он осмотрел всех пятерых путешественников нисколько не смущаясь.

– Так фи и ешь те с'мыя хости, который я должен достафить в Хонувер?

Оказалось, это был капитан. Ну что же, так было даже лучше. На руке он говорил с трудом, и слушать его было бы забавно, если бы князь не устал настолько, что даже думать на макебурте не хотелось. Он попросил:

– Густибус, узнай, чего он хочет?

А вот эту фразу капитан, как ни странно, понял.

– Я хотель, чтоп ти уше зафтра за три звона до зафтрак били на борт мой «Политурс». Фетер не шдет, госпотин офисиир. Прилыф – тем поле.

– Что же, это правильно, – решил тогда и князь. – Ловить погоду, спешить и торопиться – это по-нашему. Пусть даже в шторм...

Капитан прервал его грозно:

– Не говорить о шторм, шторм пока нет. Но фетер лофить – это по-нашему, о чьем фас предлагать.

Князь повернулся к писарю.

– Если на три звона пораньше, или что он там имел в виду, то как быть с деньгами?

– О, фсе плачено, – отозвался капитан. – Я не хотель терять контракт, фот и шту фас чуть не половинны-ая нетеля.

– Да я не о том, – сказал князь. И спросил писаря уже в упор: – Так как же?

– Мы люди тоже не весьма далекие от моря, господин, – сказал писарь, впрочем, побелев лицом, предчувствуя хлопоты, которые, вдобавок к тому, что он уже проделал, могли теперь на него обрушиться. – Ветер не ждет, как принято тут говорить... Поэтому, скорее всего, спать мы сегодня ляжем не по часам. Но деньги, если потревожить херра Музду и господина да'Карогу, можно будет... и сегодня.

– Ты уж постарайся, – довольно грозно отозвался князь. – А херр Музда и да'Карога отоспятся другой ночью.

– Тохта не платить в этот таверна за ночь-лехт, – сказал капитан. – Не самый лучший, могу замечай, и враз – на корабль. А ксподин Музда, то есть я-й.

– Вот и познакомились, – усмехнулся все же этому выговору князь и протянул руку. – Наконец-то, – сказал он, словно и не его торопили с выходом в море, а он торопил. Да может, так, по правде, и оказалось.

5

Капитан ошибся, когда говорил, что шторма нет, выходить им пришлось уже в очень грозное море. Когда по корпусу их невеликого, компактного кораблика, больше похожего на сундук, чем на средство передвижения по такой неверной стихии, как море, ударили первые сильные волны, князь Диодор даже удивился. Как многие сухопутные люди, он представлял себе воду как природу мягкую, податливую, уступчивую в любом случае, а тут получалось, что эта самая силища могла мять не то что деревянную обшивку, но и крепчайший по виду набор корабля, хотя некоторые из его деталей были чуть не в толщину человеческого торса.

Но хуже, чем эти волны, оказалось то, что шторм как начался, едва они вышли из Руговского залива, так и продолжился, не затихая ни на мгновение. Капитан-то еще крепился, даже вначале радовался, что они идут так ходко. Он прокричал, наклонясь к князю Диодору, который поднялся на шканцы, чтобы осмотреться, все равно, при такой качке, при всех этих непрерывных ударах и скрипах спать было невозможно даже после бессонной ночи:

– Корош итем, князь! Лушше-й чем думай я...

А вот князю эта веселость показалась странной. Посудину под названием «Политурс» и как-то там дальше, раскачивало так, что она чуть не задевала воду длинными реями, навешанными поперек мачт. А если и не качало, если в промежутке между волнами вдруг образовывалось нечто вроде ровной воды, хотя ровной воды тут не было нигде, корабль шел вперед, вспенивая воду форштевнем с таким креном, какой неосведомленному князю казался запредельным. Он даже спросил для верности:

– А эта лоханка когда-нибудь прежде ходила с таким наклоном?

– Эт-то ничего, кзясь, эт-то корошо, оч-чень корошо. «Политурс» мошет.

Смотреть на то, что может в действительности «Политурс», князю было не с руки. Вскоре его замутило, в его желудке образовалось что-то, смахивающее на надгробную плиту, и для пищи, которую они вздумали есть, едва погрузились и устроились в двух тесных каютах, и для всего его естества. Просто лежит у тебя внутри некий камень, огромный, который никуда не девается... А капитан так еще и обрадовал:

– Тальше бутет ешь весельш-ей... Поверь, князь!

Верить в это не очень-то и хотелось, но пришлось. Потому что, действительно, стало «весельше».

К полудню этого не очень ясного дня, солнце, которое все же иногда проглядывало, причем не сквозь тучи, как бывает в степи, а почему-то поверх и сбоку от них, бросая на изрядные волны, с которых ветер срывал брызги, косые лучи, как от далекого маяка... И вот даже солнышко скрылось. Сразу стало холодно и серо, будто в комнате без окон, и люди сделались друг на друга похожими, как схожи между собой все тени.

Брызги с верхушек волн теперь падали сбоку и даже сверху, стоя на палубе, каждый оказывался под частым дождем. Волны тоже перекатывали порой через корабль, от чего корпус ощутимо проседал под ногами, поэтому пришлось спуститься под палубу, не хватало еще, чтобы князя смыло за борт.

И все же он заметил еще одну особенность, вода вокруг них закипела. Вся поверхность тяжелой серой воды, насколько хватало глаз, покрылась пеной. Видимость при этом настолько ограничилась, что князь и не сумел даже рассмотреть, есть ли кто из матросов на мачтах, или там уже никого не было... А ведь кто-то из их компании сказал, что кораблей тут, у выхода из Руговского залива так много, что приходится непременно держать матроса в «вороньем гнезде» на главной, самой высокой мачте, чтобы избежать столкновения. Что в этой мешанине ветра, брызг и пены мог видеть пресловутый матрос, было загадкой. Князь

вообще не понимал, как можно усидеть и не вываливаться сверху на каждом из размашистых качаний, которыми мачты с реями крестили волны за бортом.

Под палубой было лишь немногим суше и теплее. А вот скрипы и стоны корпуса сделались чрезмерными, они даже разделились на разные голоса, и в них наблюдалась некая система. Разные, казалось бы, звуки то сливались и усиливались, как струны на хорошо настроенной лютне, то разделялись вновь, словно спорили, какой из частей корабля было в данный момент труднее... В общем, это могло быть забавно, если бы не веяло такой близкой опасностью.

Отец Иона молился, но был не слишком сосредоточен, и даже некоторые слова, привычные с детства, выговаривал с трудом, словно разучился шевелить губами. И мучительное выражение на его лице показывало, что каменная плита в его желудке еще больше, или более угловата, чем у князя. Поэтому Диодор попробовал его разговорить. Но отец Иона был не в настроении. Он, правда, сел с князем на длинную лавку, но ни о чем думать толком не мог, лишь проговорил, прерывая слова глотательными движениями шеи:

– У меня с морем плохо всегда выходит, князь... Да и имя мое – не вполне морским считается... Ох, батюшки, зря я согласился на это путешествие, плохо закончится, для меня – в особенности... И в роду у нас всем так доставалось на море, что тетка моей бабушки вообще потонула где-то у Столпов Геркула.

Под вечер его рвало уже с таким чудовищным постоянством, что князь стал привыкать к запаху всего того, что желудок батюшки извергал в широкий кожаный таз. Бурное море и с ним сыграло свою извечную игру – ослабило волю и даже безгловость.

Все же он сходил за магом, и Густибус, хотя и сам был зеленее и серее воды за бортом, попытался ослабить муки батюшки. Но то ли врачевателем он оказался неважным, то ли болезнь оказалась непривычной и мудреной для него, но батюшке лучше не становилось. Когда стало уже настолько темно, что даже князь догадался, что наступил вечер, к ним в каюту ввалился грязный матрос с косичкой, вымазанной дегтем, и сообщил с широкой, совсем не подобающей ситуации ухмылкой, что капитан просит князя и остальных присоединиться к нему для ужина.

Весть эта князя определенно не порадовала, но он все же отправился. К нему, как ни странно, присоединился и Густибус. Они уселись в капитанской каюте, им подали что-то вроде плохо приготовленной солонины, которая оказалась настолько жесткой, что проще было бы резать прибрежную гальку. Князь немного пожевал хлеба с совсем неплохим чаем, а потом решил даже на отдающую отчетливой гнильцой яичницу с жареным луком, и... Потом он долго проклинал себя за жадность, потому что выворачивало его куда сильнее и чаще, чем батюшку Иону.

Как князь ни крепился, как ни пробовал эту самую окаянную пищу удержать в себе – ничего не получалось. И все же, все же... Он хотя бы был способен подниматься на палубу, чтобы пробовать выбросить из желудка этот самый камень, что для поддержания командирского авторитета было необходимо, но... Не всегда удавалось даже до борта дойти и в море попасть всем тем, что из него вылезало. А пищей это называться уже не могло, потому что больше смахивало на буро-зеленую слизь, отвратительную, как все это путешествие, как вся эта жизнь и задание, которое он получил от двоюродного братца Выготы... Одно только и было хорошо, если постоять на палубе, то слизь с груди и с рук сбивал ветер с брызгами, так что под палубу князь спускался все же немного очищенным. И как правило, освеженный резким и соленым ветром, от которого иной раз, правда, выступали слезы.

Как ни удивительно, лучше всех вел себя Стырь, но у него было дело – он ходил за лошадьми, которым, впрочем, тоже доставалось, и может, поболее, чем людям. Он заходил к князю и жаловался почему-то высоким, едва ли не визгливым голосом, какого у него прежде не бывало:

– Князь-батюшка, ты сходи к этому капитану окаянному, скажи ему, чтобы он как-нито корабль свой проклятуший осторожнее проводил... Ведь совсем извелись лошадки, Огл мой даже не стоит уже, его на весу подвязать пришлось.

Но князь к капитану, естественно, не ходил, не до того ему было. Он думал о море и о том, что если доведется ему из Парса все же возвращаться, ни за что, ни за какие коврижки он не выберет путь по морю. Пусть придется хоть дюжину границ и рубежей пересекать, пусть придется по самым что ни есть клоповым корчмам ночевать, или даже в лесу, но по морю – никогда и ни за что... И все же, он нашел силы на третий, кажется, день сходить и посмотреть, как обстояло дело с другими его попутчиками, в соседней каюте.

Дерпен, славный воин на суше и редкой силы человек, по словам мага, как лег пластом, когда они еще из залива выходили, так и не вставал. И стеснялся же слабости своей, и мучился от уязвленной гордости, а все равно... Против природы ничего поделать не мог.

И самое отвратительное, как признался один из матросов, с которым Стырь, как всегда, спелся, чтобы все же ему хоть кто-нибудь помогал с лошадьми, ветер оказался таков, что идти приходилось галсами. И помимо воли этот самый Стырь, едва разговаривающий на чужих языках, и не знающий моря, пожалуй, еще меньше князя понимающий, что с ними происходит, как-то уже стал соображать и эти галсы, и ветер, и даже свел дружеские знакомства на кухне, которая называлась камбузом, чтобы заваривать для коней овес... Князь, посмотрел на него, посмотрел, и понял, что если бы судьба этого самого Стыря, пусть даже и природного степняка, который и речки привык форсировать не иначе, чем вброд, забросила на корабль, он бы уже через месяц-другой, в худшем случае, через пол-года сделался бы настоящим матросом, и даже косичку отрастил, и в дегте ее измазал. Такой уж был человек, и этому оставалось только удивляться.

На четвертый день с корабля сорвало парус, капитан ругался так, что даже через визг ветра и удары волн, и через скрипы корпуса и хлюпанье воды в трюме, был слышен его голос. Слов разобрать было невозможно, но князь этому не огорчился, даже порадовался. Потом, сорвало еще один парус, и что-то чуть не обломилось... Но как бы там ни было, капитан все же умелый оказался, да и команду, хоть и небольшую, не пальцем делали. В общем, они справились.

И то ли капитан сбавил ход, то ли решил, что идти нужно более плавно, потому что его «Политурс» не выдерживает, но стало чуть-чуть полегче. Князь этому даже не сразу поверил, но... Прошел час, потом другой, и он сумел подняться.

По своему обыкновению, отправился на кормовую часть палубы, где стоял, широко расставив ноги, капитан Музда. Около него все тот же широченный матрос с косичкой, упираясь обеими, на редкость мускулистыми руками в толстенный румпель, правил кораблем.

Море по-прежнему кипело, но где-то на горизонте едва-едва, тонкой полоской проступил свет. Что это значило, князь не знал, капитан еще издалека ему крикнул:

– Ты, князь... корош, что так!

– Туго нам приходится, капитан?

– Тухо?... Не так, хоть... – Капитан обернулся на рулевого, и наклонился к князю. – Три почки-и ворвань просай за порт. Три!.. Опычно, в самый шторм я две кидай, не больше... А тут – так получайся.

Князь знал, что иногда моряки вываливают за борт что-то жирное, масло какое-нибудь или ворвань, чтобы хоть чуть утихомирить волны. На всякий случай он сказал:

– И команды у тебя немного, как я погляжу, капитан.

– Нет, команта корош. В самый хват, как вы, руцки, говоряйте. – Он подумал, что-то оценивая на горизонте, на верхушках мачт, и добавил: – Я есть купец, хандловый, а не зольдат... Польсую то, как во Фнутрене море нет корсарен, и перег опасный я есть знайт.

Фот посашу фас на перег, пойду ф океан, дале, уже и зольдатен и протчий мериман заперу с сопой, в океан бес такой уже нелься.

Этот разговор все же успокаивал, главным образом потому, что капитан этот собрался, оказывается, дальше в океан идти, и ни черта не опасался... Хотя, чего бы он мог опасаться, раз уж это было его ремесло, его судьба и жизнь?

На шестой день, совершенно неожиданно для всех, кто мучился во время этого перехода, они вышли к земле. Видимо, капитан Музда не врал, когда говорил, что берега эти знает хорошо. Или та самая светлая полоска, которую князь случайно заметил во время своей последней... прогулки, оказалась долгожданным предвестником окончания шторма. Или просто, согласно Книге, не посылает Господь человеку более жестоких испытаний, чем он может выдержать, а значит, все же и эта мука должна была кончиться. И она, кажется, заканчивалась.

К Хонуверу, странно и непривычно выглядящему с моря, как тонкая полоска красноватых крыш и человеческого дыма, а не туманной мороси, что висела над морем, дыма, который не мог разогнать даже ветер, подошли под вечер. Но оказалось, что нужно было еще изрядно идти по реке, которая относила корабль назад, в море, к волнам и более упругому и напористому ветру. Капитан попробовал войти в реку самостоятельно, но у него не получилось.

Тогда, только-только стало смеркаться, он приказал бросить якорь и вывесить флаг, требуя к себе местного пилота. Но на берегу загорались огоньки домов, дым стал в вечереющем воздухе невидимым, небольшая стайка кораблей под разными флагами, стоящая у причальных стенок и просто на течении реки, тоже сделалась невидимой на фоне серо-коричневого, совсем не заснеженного берега, а к ним никто и не думал высылать лодку с лоцманом.

Капитан злился, почему-то бегал и ругался на матросов, а потом поднялся к румпелю, где больше не было рулевого, и принялся так орать, что даже князя это удивило. Оказалось, капитан таким образом нагонял на себя смелость, чтобы все же войти в эту реку и пристать к берегу. В темноте, ориентируясь по каким-то странным признакам, и по маяку, который сбоку отбрасывал в море свои неяркие, не всегда даже видимые лучи, капитан двинулся вперед. Он шел так осторожно, что даже на корабле стало тихо, лишь звучали резкие, как во время боя, приказы, да ноги матросов гулко били по палубе, когда они бросались исполнять распоряжения – подтянуть то или ослабить иное...

В общем, худо-бедно, к стенке они подошли, и встали, перебросив на здоровенные чугунные, кажется, тумбы крепежные канаты. И вот тогда капитан Музда показал себя, потому что стал торопиться с выгрузкой, не дожидаясь ни нормальных таможенников, ни разгрузочной бригады, хотя князь где-то слышал, что погрузкой-выгрузкой должны заниматься только какие-нибудь местные обитатели.

При этом он орал, что слишком долго ждал лоцмана и, следовательно, должен торопиться изо всех сил. Князь вспомнил, что капитан Музда и в Ругове так же метал грома и молнии, и что он даже хотел тут пополнить команду, может быть, прихватить еще какой-либо груз... Но решил, что такова была странность этого человека – насколько он бывал нетерпелив и шумлив, настолько же он оказывался умелым в море. Было в этом что-то глубоко личное, что-то характерное для капитана Музды, но... В общем, решил князь, это не его дело, тем более, что вряд ли они когда-нибудь еще могли встретиться.

Так-то вот в темноту, лишь изредка освещаемую непривычной формы фонарями, капитан и выгрузил своих пассажиров, их лошадей, и разумеется, немногую поклажу. И как почти сразу стало ясно, лучше бы князю было не философствовать, а уговорить капитана, чтобы они переночевали на борту «Политурса». Потому что ложились тут рано, и искать нормальный ночлег было уже поздно, как предупредили какие-то люди из таможни, которые все-таки появились невесь откуда. И которые занялись своими прямыми обязанностями, то

есть, отправились на «Политурс», чтобы проверить бумаги, и содрать, конечно, положенную плату за стоянку и все прочее, чем зарабатывал портовый люд.

А в тавернах, окружавших порт, останавливаться не хотелось. Дерпен, который немного оправился, пока они находились в относительно спокойной воде, и маг, который присоединился к нему добровольным переводчиком, походили вокруг, посмотрели, и решили, что дело это не только неблагодарное, но, возможно, опасное. Уж очень беспокойно тут было, как и во всех больших портах, впрочем.

Дилемма эта несколько угнетала князя, потому что он совершенно не представлял себе, что же им теперь делать. Но положение спас Густибус, который потолкался вокруг лошадей, о чем-то поговорил со Стырем, а потом подошел к князю, который в некоторой даже грусти сидел на причальной тумбе.

– Не знаю наверное, князь, как и где лучше остановиться, никогда тут прежде не бывал... Но помнится, кто-то говорил мне, что есть в Хонувере один порядочный и пользующийся хорошей репутацией каретный мастер. Может, у него спросить? Ведь если мы заявим, что нам нужна карета, а может, и дормез, он непременно приютит нас, как своих клиентов.

Делать было нечего, лошадам нужно было хотя бы немного постоять в нормальных стойлах, чтобы очухаться от морского буйства. Да и Диодора это устраивало, поэтому отправили все того же мага с Дерпеном искать этого мастера... И вдруг все весьма быстро устроилось.

И даже с удобствами, потому что чего-чего, а уж комнат в немалой мастерской какого-то суетливого старичка, к которому они попали, оказалось немало. Старичка, впрочем, постоянно сопровождала странного вида и богатырского сложения женщина в темно-коричневом, заплатанном платье. Она-то, выслушав приказы этого самого старичка, который даже ночной колпак не снимал, разговаривая с неожиданными гостями, выдала пахнущие лавандой простыни, одеяла, подушки и указала куда кому лечь повелительными жестами, не произнося при этом ни слова. Князю достался широкий и жестковатый диван, Дерпену жуткая конструкция из скрипучих досок и раздавленного матрасика, похожая на развалившуюся оттоманку, а мага с батюшкой устроили, из уважения к их сану и учености, в странного вида шкафах, где и ноги-то было трудно вытянуть, но где, по местной традиции, полагалось спать. Стырь устроился, конечно, на конюшне, и по собственному свойству, и из расчета ночевать в незнакомом месте поближе к коням.

Но только-только они расположились, только глаза сомкнули, как вдруг со всех сторон едва ли не разом ударили колокола. Город, как выяснилось, уже просыпался, хотя еще темно было. Но князь поворочался и решил, что следует подниматься, потому что в чужой монастырь со своим уставом не ходят... Или не плавают – как у них получилось.

Так вот невыспавшись, ощущая боль и ломоту от ночлега и прочих неудобств последних дней, пришлось отправляться на кухню, где им предложили, опять же жестами, пожевать каких-то булочек с тмином и выпить кофе, хотя каждый и пожалел вслух, что невозможно заказать рыбки с грибами и яйцами, или даже котлет каких-либо жареных, или пусть бы пирогов с капустой, а еще лучше, с зайчатиной... Но делать нечего, поели и выпили, что нашлось, а затем принялись за дело.

Стырь пошел с батюшкой выбирать карету или дормез, как предложил ненароком маг. А Диодор, Дерпен и Густибус отправились отмечаться в городскую магистратуру, и заодно розыскать кого-нибудь, кто справлял тут обязанности имперского консула. Все же следовало узнать, не пришли ли вести из Империи, которые обогнали их, пока они болтались в море, по эстафете. А потом еще следовало зайти в банк, и окончательно разобраться с деньгами, так и недополученными в Ругове, о которых у князя и беспокойство как-то само собой проходить стало... В общем, работы было по горло, и делать ее, кроме них самих, было некому.

6

Дороги здешние оказались почти без снега, лишь в низинках грязь смешивалась с наледью, но и той было не много, весной в Империи бывало и побольше, там и тяжеловозам не всегда удавалось пройти. К тому же, князь присмотрелся и заметил, что западники очень за дорогами ухаживают, если у них и случался где-нибудь снег, то как правило его аккуратно сваливали в сторону, образуя нечто... что для смеха, кажется, Дерпен назвал сугробами.

Дормез оказался не прост, маг, зная повадки местных, и климат, и даже, вероятно, дороги, по которым им теперь приходилось ехать, выбрал очень необычный, на взгляд имперцев, экипаж. У него были колеса, отличные, легкие, с резными спицами, но сверху на крыше экипажа оказались еще и четыре полоза, то есть, при желании, из него можно было сделать почти обычные для Руквы сани, хотя тут, на западе эту возможность оставили про запас. Раздумывая над этой конструкцией, князь заметил, что задние полозья крепились очень плотно, намертво, зато передние оставались поворотными, чтобы лошадям было не туго на разворотах, как в Империи не делали. К тому же, и рессорная подвеска здорово облегчала ход, особенно в вагончике, который был изнутри обшит еще и дешевой, грубой, но все же кожей поверх какой-то мягкой набивки.

Вот только печка, установленная в дормезе, была слабовата, по мнению батюшки. Он вообще относился к экипажу с некоторой долей ревности, словно то обстоятельство, что он со Стырем его выбрал, сделало его ответственным за удобства пассажиров. И частично, за их презентабельность на этих дорогах.

Топить печь было сложновато, дрова тут продавались чуть ли не по щепочкам и весьма недешево. Больше было хвороста какого-то, а то и просто сухой травы, смахивающей на камыш, но маг утверждал, что потом будет легче, может и настоящие полешки удастся приобрести. Для имперцев, живших в лесном краю, привыкших отапливаться чуть не цельными бревнами, это было странно.

С упряжью тоже получилось не совсем обычно, а по-местному, что-то прикупили-добавили, что-то из упряжи чуть переделали-пристегнули, и... сумели запрячь всех коней цугом – князева Самвела и Дерпенова Табаска как ведущих, за ними Стыревого Огла и незаменимую Буланку, и лишь последней парой, самой легкой, как выразился Стырь, поставили Недолю мага и батюшкину Шуку. Еще не вполне получалось с фореитором, правда, когда выезжали из Хонувера, каретный мастер дал им в помощь одного своего подручного, хотя князь и хотел бы двух поднанять, но и дал-то только на три дневных перегона, потом следовало опять же находить кого-то в помощь. Порадовало, правда, что по словам всех местных, с фореитором сложностей быть не должно, потому что им-то любой мальчишка из придорожных городков согласился бы стать, если за представительностью особенно не гнаться.

Но хоть и шли о шестиконь, а к вечеру, может быть, от непривычного, тяжелого и сырого воздуха, а может, от грязных и все же вязких дорог, лошади уставали. Иной раз приходилось чуть не с обеда коней уже не торопить, и надеяться, что они продержатся до вечера, но чаще получалось, что останавливаться и искать дочлег начинали куда раньше, чем хотелось бы.

Но и тут, как-то само собой, выработался привычный ритм, все же деревеньки или, точнее, маленькие городки, в которых они останавливались, укладывались спать едва не засветло, поэтому, в общем, и ранний ночлег выглядел разумным... Если бы не ранние подъемы, к которым пока никто не привык. Действительно, если уж выезжать поутру затемно, то и ехать хотелось все же долго, а все равно получалось, что кони выдыхались раньше.

Впрочем, и Стырь уставал, да еще как. Вести шестерку оказалось настолько трудно, что он сам попросил о помощи. Князь по привычному армейскому порядку стал к нему подсаживаться на козлы и вел лошадок чуть не треть дневного перегона, пока у него не начинали отваливаться руки, особенно в кистях, пока не затекали до деревянной нечувствительности ноги, от необходимости постоянно упираться в передок, чтобы кони ненароком не стащили под переднюю ось, и пока глаза не начинали болеть и слезиться от ветра, бьющего в лицо.

Тогда уже и Дерпен, вполне дружественно, стал третьим их возничим. Пока князь и Стырь отогревались в дормезе, он бодро сидел на козлах, и казалось, мог бы сидеть бесконечно, силы-то ему было не занимать, вот только возчиком он оказался не самым умелым, и оттого тоже уставал, хотя и не признавался. Когда степняка следовало менять, вернее всех понимал Стырь. Поглядывая в окошки, он начинал вдруг суетиться, одевался и стучал в переднюю глухую стенку экипажа, чтобы Дерпен остановился. По каким признакам он определял, что восточник выдохся, князь так и не разобрал. Стырь только и сказал, что дормез «кидать начинает», если возчик устает, и еще добавил, что это виднее всего на поворотах.

Конечно, князь подозревал, что Стырь заботится не о Дерпене, а о лошадках, и как-то по их поведению чувствует, что пора меняться, потому что при плохом управлении они уставали быстрее, но ничего об этом не стал говорить. Все получалось так, как получалось, и в целом, пока неплохо.

И все же сидеть в закрытом со всех сторон коробе, который когда мерно, а когда ухабисто раскачивался, тоже было непросто. К концу каждого перегона князь отчетливо жалел, что не может пересест в седло и пустить своего Самвела по дороге, надеясь на его стать, выносливость и силу. Верхом ему было бы легче... Но для других, пожалуй, все же тяжелее, кроме, опять же, Стыря. Поэтому они тащились, пусть и с печкой под боком, но медленнее, чем могли бы.

В дормезе, во время этих перегонов, каждый занимался своим делом. Батюшка привычно спорил с магом о происхождении растений и животных, о космогонии и человеческой природе, но уже без былого азарта. Было похоже, что как-то незаметно для князя оба этих... специалиста сумели в чем-то убедить друг друга, а вернее всего, сошлись на том, что оба воззрения – магико-научный и религиозный – на обсуждаемые предметы всего лишь дополняются, а не противоречат один другому. Или они пришли к уважению взглядов противной стороны, что тоже произошло не сразу, но все же произошло.

Помимо того, выяснилось, что батюшка любит готовить, и умеет даже простой чай сделать так, что мигом навевались воспоминания о доме, о тепле, о далекой Рукве... Он даже взял на себя обязанность готовить на плитке не слишком изысканные, но сытные и вкусные с мороза обеды, и сам же предложил на остановках, когда давали роздых лошадям, ходить на местные рынки. Князь поопасался было за него, но тут-то и стало понятно, что батюшка не прост, и никакого языкового барьера у него с местными не возникало. Оказалось, что батюшка Иона знает шесть языков, из которых три были западными, и целую кучу диалектов, количество которых он и сам, кажется, представлял весьма смутно.

Поэтому и на рынках он объяснялся с отменной бойкостью, правда, по мнению мага, не любил и не умел торговаться. Поэтому Густибус иногда ходил с ним вместе, что было только на руку остальным, потому что тащить корзины с увесистыми продуктами одному Ионе было не по силам.

И со стражниками он объяснялся уверенно, и те быстро успокаивались при виде этого незнакомого и дальнего экипажа, переставали хмуриться, когда отец Иона начинал им растолковывать кто к ним нагрязнул, и откуда, и с обычной своей усмешкой, поблескивая очками, показывал какие-то подорожные, которые он узнал уже через пару-тройку дней настолько хорошо, что сам бодро шуршал в дорожной сумке князя, выбирая какой-нибудь из документов, полученных в Миркве и в консульстве Хонувера.

Этих самых застав и всяких постов проезжать приходилось по несколько за день. Князя это сначала удивляло, но потом он привык. И все же, по вечерам, засыпая, не переставал удивляться тому, что обнаруживал и в этой стране, и в своих спутниках. Однажды он спросил Иону:

- Батюшка, а почему же ты раньше не говорил, что полиглот?
- Не стоило тратить внимание твое, князь Диодор.
- А зачем тебе столько языков? – спросил тогда и Дерпен.

Батюшка завздохал, даже немного поворочался на своем топчане, в огромной голой комнате той таверны, где им в ту ночь пришлось остановиться. И тогда, со своей лавки отозвался уже Густибус:

– Тут и гадать не стоит. По обычаю, Империя всегда высылала своих старцев во все концы земли для борьбы, сам знаешь с чем... – говорить о магии ему, по ночной поре, не хотелось. – Вот его для того и готовили. А какой же он будет скиталец в незнакомых землях, если языков не знает?

После такого объяснения, и князь занялся языками. То есть, засел у левого бокового окошка, которое было чуть светлее прочих, и дым к тому же от печки относил в другую сторону, и стал читать многоязычный западный словарь, который удосужился прихватить с собой из Мирквы, из библиотеки князя Аверита. Словарь оказался чтением любопытным, вот только когда одно и то же слово переводилось в разных вариантах, приходилось немало соображать, чтобы выбрать для себя достоверное, опорное его значение. Но тут ему, помимо фериза и макебурта, помогала колонка с полонским словников, и хотя руквы в словаре не было, от этого все же делалось понятнее.

А если князь начинал сомневаться в чем-то, всегда можно было спросить у мага, и тот начинал объяснять... Вот только, иногда столь долго и подробно, настолько широко и многозначно, с примерами, с переносными смыслами слов, что его хотелось остановить. Зато он щеголял очень хорошим произношением, чем князь тоже пользовался, потому что с фонетикой у него обстояло не очень.

Увлеченный новым своим делом, князь не заметил, как проехали низменные, болотистые и не очень снежные места вблизи Хонувера, потом миновали широкое устье великого Инра, главной реки здешних мест, которая не замерзала в середине, что позволяло даже зимами не прекращать тут речной навигации, и выехали на взгорья перед Смен-буном, которые уже больше походили на Рукву, и даже заросли какими-никакими, а все же лесами. Городки тут были очень спокойные, и люд был настолько уверенным в себе, в завтрашнем дне, и в том, что мир устроен наилучшим образом, что даже Дерпен удивился.

– Это что же за земля такая, если люди тут и войны не помнят? – спрашивал он, посматривая по сторонам с опаской, которую в нем, человеке оружия, вызывало излишнее спокойствие и мирская тишь.

– Нет, не так, – отозвался Густибус, – войны тут бывали лютейшие. И должно быть, потому что воевали очень долго, да и поныне воюют, люди привыкли, что это дело профессионалов. А остальных это и не заботит вовсе.

– Так что же, обывателей тут не трогают во время войн?

– Бывало, конечно... Вон Магетбур разграбили и сожгли так, что... До сих пор имя этого командующего со страхом и ужасом произносят. Но это редкость, такое бывало, пока Империя не вмешивалась.

– Что же мы тогда не вмешались? – спросил и батюшка, с неожиданным интересом.

– Не успели, кажется, – сказал тогда князь, который военную историю знал совсем неплохо. Хотя, по собственному бы желанию, и по необходимости, конечно, знать следовало еще лучше. – Прибыли, когда все было кончено. Да этого самого Фа-Штейна и самого потом

загнали в болота, а когда его армия стала вымирать от голода и болезней, принудили сдаться. Так что его войско от этого зверства выиграло лишь тюрьмы, галеры и бесчестие.

– Карать после преступления – не дело, – вынес свой приговор батюшка. – Смысл власти, чтобы не допускать преступлений, и никак иначе.

– Местная полиция и надзорная служба с тобой бы не согласились, – усмехнулся Густибус. – У них обычай – карать именно после того, как что-то неподобающее произошло. И то не всегда, а если удастся доказать вину. – Он вздохнул. – Иной раз такие хитрые бестии попадают, что все знают – он это сделал, ограбил кого-нибудь, или даже убил, а доказать невозможно, тогда отпускают.

– Ты же маг, – с упреком отозвался батюшка. – Неужто трудно выяснить, кто прав, а кто виновен? Да самыми обычными средствами это можно определить!

– Обратная сторона войны с магией, – буркнул Густибус. – Была бы наша воля... Мы бы не то что виновного находили, а еще до того, как он задумал что-либо, отыскивали и карали.

– Нет, – сурово высказался тогда князь. – Была бы воля магов, они бы сами, в первую очередь, стали и убивать, и грабить. Насмотрелись мы уже на это, как только силы магические к человеку приходят, он начинает считать себя выше других, выше закона, выше всякой даже власти. Не было бы этого, кто бы стал вас трогать?

– Отлично сказано, князь, – поддержал его батюшка.

– Я еще думаю, – подвел Дерпен итог спору, – что обычаи разные – не просто так случаются. Если так тут повелось, значит, должно быть.

Наконец, пологие, лесистые холмы тоже проехали. И оказались совсем в других землях. Тут уже не было привычной власти торговых, и потому довольно зажиточных городов, а начались области, где исстари держались баронских привилегий. То есть, пошли Сменбун, Велковик, Сточень, очень старые хотя и некрупные по руквацким меркам города.

И что было в них хорошо, почти каждый из этих маленьких, даже микроскопических дворов содержал пусть и не вполне настоящий, но все же небольшой университет, а случилось, что и полноценную капеллу. Еще тут стала уже заметнее, чем прежде, власть западной церкви, которая к вящему сожалению батюшки не принадлежала к патриаршеству, а держалась папского вселенского образца. Он даже распереживался как-то:

– Нет, ну что это за вселенская церковь такая, а? Это мы-то, имперцы, и то считаем, что патриархия – не вселенская. А эти-то, только в своих баронствах и сидят, так им сразу всемирность подавай!..

– Может, потому они и вселенскими себя считают, что у них земли – кот наплакал, им хочется общности, единения, кристендома, – ответил ему Густибус. – У нас же, на Рукве, земли – немерено, у нас и рубежей нет, у нас и люди по-другому устроены. Потому-то нам – не всемирность нужна, она у нас сразу за околицей, и конца ей не видно... Нам бы оторваться от нее, своих бы приветить... Потому у нас – патриаршество.

– Разумно, – так батюшка, кажется, впервые с магом согласился.

И князь подумал, что именно на этом утверждении – необходимости служить Империи, оба эти спорщика и помирятся. Причем, по-настоящему, с открытой приязнью, если не с подлинной дружбой, как до дела дойдет.

Густибус, вспомнив прежние свои штудии на западе, выпросил у Стыря, который привычно заведовал обычными в дороге расходами, горсть мелкой монеты и накопил себе чуть не в каждом городе календарей и листков. Это и князю пришлось по душе, потому что он теперь, отвлекаясь от словаря, пытался читать их после мага.

Смена обстановки подействовала и на Дерпена, который вдруг пристрастился пить местное вино, которое, правда разбавлял водой чуть не до двух третей, и покупал много местных фруктов, которых в Рукве всегда было маловато. Еще он подолгу сидел у правого

окна, смотрел в сторону, что-то соображая или вспоминая. На вопрос мага, зачем он пьет, ведь в его народе это не принято, Дерпен чуть не через два часа, как был задан вопрос, отозвался, что ему как выкресту можно. К тому же, он хочет понять, какая в вине может быть истина, на что батюшка ехидно улыбнулся:

– Ты, воин, пей – не пей, а здешних все равно не поймешь. Вот когда подраться с ними придется, тогда, может быть.

– Так драку я по-своему проведу, – удивился такому обороту Дерпен. – Как же иначе? Я драться в четверть силы не приучен.

– А у нас, в четверть силы тоже не пьют, – хмыкнул было князь.

– Пьют, – отчего-то утратив обычную свою веселость, отозвался батюшка, – как раз четвертями и пьют.

Тогда, чтобы закончить спор, Диодор посмеялся и составил Дерпену компанию. Но в следующий раз батюшка, сходяв на рынок в центре какого-то крохотного городка, кажется, под названием Мечиз, приобрел тыквенную флягу полонской водки, и тогда князю разбавленного вина уже не захотелось. Водка была отменной, вот только горчила, потому что оказалась то ли с обыденным в этих местах тмином, то ли с какой-то другой травой. От нее у него быстро побежала голова, и он решил, что учиться и пить одновременно не получится. В общем, он решил пока не пить, тем более, что у него расстроился желудок.

А вероятнее всего, это произошло потому, что Густибус, как-то составив в одной из мелких местных столиц компанию батюшке в походе на рынок, накупил и хваленной Велковской колбасы, и жареных Сточенских сарделек из свинины, и полувареных яиц в тесте, и даже магетбургского знаменитого паштета. И про салаты не забыл... Когда всю эту действительно на редкость вкусную снедь умяли, под вечер сделалось плохо уже всем. Но по-настоящему прихватило почему-то только князя, он даже подумывал, что на следующий день в перегон не стоит уходить, а то как бы ему уже по необходимости лежать не пришлось.

Но за ночь, выпив настою, который ему сделал Дерпен из сушеных корочек граната, несварение у него прошло. И он под утро поднялся-таки, тем более, что дороги уже мало оставалось. Как-то вот так, незаметно, они проехали все эти земли, отмахали с лишком двести лье, или более восьмисот верст, и теперь оказались перед землями Кебера, последнего перед Парсом крупного города.

Тут уже все говорили на феризе, только со странным выговором, в котором князь без труда замечал влияние макебурта. И к тому же, он-то мог на этот раз и не менять Стыря на козлах, потому что тот, намаявшись за последние дни, нанял вдобавок к поднаемным фореиторам двух возничих, что оказалось тут обычной практикой. Поэтому князь, завернувшись в плащ, спокойно дремал в углу дормеза, сквозь сон раздумывая о том, что путешествие, в общем, подходит к концу.

7

Кебер оказался городом изрядным и, по мнению здешних жителей, столице королевства Парсу ни в чем не уступал. Дома стояли тут так же плотно, грязи на улицах было немного, а главное, в городе имелся герцогский двор, с огромным, темным, на взгляд Диодора, угловатым и чрезмерно старым замком.

К замку этому, стоящему на холме, князь присмотрелся особо. Было видно, что его перестраивали множество раз, может, веками достраивали. Древняя часть, сделанная в стиле старинного готического креста, почти совсем была скрыта новейшими постройками, более светлыми, высокими и с менее остроугольными крышами. А потом из этого старого основания вырастали совсем уже недавние, выстроенные не более двух-трех поколений тому назад, дополнения, которые грешили вычурностью, обилием украшений, чрезмерной белизной стен и множеством окон. Становилось ясно, что эта часть замка никогда не была задумана для войны и для противодействия осаде, здесь бы любую атаку, даже не очень сильного войска, попросту не сумели бы сдержать.

Еще на склонах холма, на котором замок находился, был разбит обширнейший парк, именно парк, а не сад или хозяйство. Герцогские предки, судя по всему, не любили, чтобы службы находились слишком близко, с их шумом, суетой слуг и разными запахами. Кухня герцога, все же, находилась в пристройке к замку, с обширным двором, и трубы ее изрядно дымили, это тоже можно было сразу увидеть, к тому же, на дворцовую кухню вела отдельная, наезженная дорога.

Оценив все это, князь Диодор решил, что двор этот, сам город, да и герцогство – живет весело, беспечно, с размахом тратит деньги, добытые крестьянами и ремесленниками, и не нуждается ни в какой особой защите, кроме как, возможно, от тараканов с кухни.

Город князю и всем его спутникам тоже не слишком понравился. По нему бродило слишком много разодетых людей, которые на чрезмерно широких бульварах торжественно раскланивались или же манерно отворачиваясь от людей другого, дельного вида, торговцев и богатых мастеровых, которые и походкой отличались от благородного сословия, поспешая по делам. Разделение это на две слишком заметные касты так бросалось в глаза, что даже батюшка удивился.

– Лоск-то всегда бывает излишним, князь, вот только... – Он помолчал и неожиданно добавил: – Нам придется ему соответствовать.

– Вероятно, – процедил Диодор сквозь зубы, рассматривая парочку офицеров, которые были одеты не хуже придворных франтов, даже в кюлоты с какими-то дурными лентами под коленями, и вооружены шпажонками, от коих в серьезной стычке не могло быть никакого проку.

– Я к тому, что вы-то – люди вполне светские, вам можно так же... обрядиться. А мне что делать?

– А ты ничего не делай, – посоветовал ему маг. – Оставайся в своей ряске, как приехал.

– Не о себе забочусь, – вздохнул батюшка. – Мне бы ваше достоинство не уронить.

– А и впрямь, – пробурчал Дерпен, разглядывая широкую витрину из дутого стекла выставленную прямо на улицу, за которой находилась полка с ножами и короткими саблями. – Раз уж тут оказались, вероятно, придется и нам приодеться.

Князь задумался, это могло быть серьезно. Лоск лоском, но очень-то отличаться от местных – тоже не дело. Станным оказалось лишь то, что это заметили батюшка с Дерпеном.

– Хорошо, – решил князь, может быть, немного сгоряча. – Давайте, раз уж у нас есть время и возможность, попробуем тут... приодеться по-местному.

В этом он был все же не весьма уверен, да и покупать ничего не хотелось. Но когда вернулись в гостиницу, простенькую, но чистую и близкую ко всем главным торговым площадям города, то неожиданно выяснилось вот что. По какому-то из приказов герцога всех путешественников, которые тут останавливались, нужно было как-то регистрировать. И вот когда предыдущим вечером Густибус весьма небрежно, как и прежде случалось, доложил держателю гостиницы, кто они такие, и что направляются в Парс, тот дал знать в канцелярию герцога.

И пока они спокойно себе бродили по городу, к ним уже с утра прибыл посыльный, который передал приглашение явиться вечером на обед к герцогу. Так идея приодеться по местной моде сделалась настоящей. К тому же, следовало опробовать возможность путешественников вписаться в местное общество, не выделяясь чрезмерно, а как бы растворяясь среди прочего дворянства.

Поэтому, после полудня, вместо того, чтобы отправиться дальше, в сторону Парса, пришлось расспрашивать гостиничного хозяина, где тут можно быстро и не слишком дорого найти портных. Хозяин долго не размышлял, и тут же выделил для гостей слугу, который проводил их к местному кутюрье, как тут было принято говорить, расположившего свое ателье в огромном доме, обращенном к речке, что протекала под герцогским холмом.

Собственно, ателье занимало весь первый этаж этого дома, без перегородок, с одним огромным залом, в котором трудились чуть не с полсотни разных портных. Тогда-то князь впервые оценил, что и такое простое дело, как пошив одежды, можно делать с размахом, и с некоторым даже блеском художества. Ими занялись сразу же, мгновенно оценив, что эти гости за ценами не постоят, и что тут хозяина ждет немалый барыш.

Следующие пару часов вся компания, включая Стыря, провела за выслушиванием советов о том, как и что следует носить в Парсе, а равно в Кебере, который столице ни в чем не уступает, ну да тут это говорил каждый, кто чем-либо торговал. И дело это по правде оказалось непростым – примерять и кургузые камзолы, и тяжкие, зимние по местному представлению, плащи с опушенными мехом капюшонами, и башмаки с невиданными пряжками, и пресловутые кюлоты с завязками... Хотя и суетно это было, а по мнению князя, вовсе не нужно, вот только... Могло так оказаться, что все же нужно. Поэтому он терпел.

Как оказалось, сапоги тут были не приняты, обходились башмаками и чулками. Причем чулок требовалось очень много, и разных, потому что они быстро пачкались и изнашивались. Вообще, вся одежда, на которую князь и его спутники отважились, выглядела на редкость непрактичной, словно бы домашнее одеяние в Рукве, и какой-то ненастоящей. Нет, на самом деле, какой мороз мог бы выдержать камзол, сделанный до пупа, и оставляющий, к тому же, голую шею, которую следовало укутать только в высокий, чуть не до ушей, плетеный воротник?

В общем, согласно советам пресловутого кутюрье или его помощников – князь так и не разобрал среди всех этих людей, которые ими занимались, кто же тут хозяин – все они довольно-таки приоделись, причем по-разному. Самому князю пришлось последовательно обрядиться и в обыденный, служебный, смахивающий на рукавский, полукафтан, и в парадное платье, до последней подвязочки похожее на местное, в котором ему и посоветовали быть на вечернем обеде у герцога, и в зимнее, долгополое, принятое только в этом году одеяние с очень широкими плечами. Дерпен выбрал себе что-то вроде привычного халата, только с таким расунком, что от него рябило в глазах, и короткую, похожую на стрелецкую ферязь, хотя могучие бицепсы воина в рукавах едва уместились, как портновские их не подгоняли и не дошивали прямо на нем. Батюшка остался в чем-то наподобие рясы, и еще разохотился на очень плотную накидку из небеленой козьей шерсти, которую полагалось подвязывать ярко-зеленым поясом, плетеным, как утверждал портной, из сложнейшим образом обработанной конопли, и с крупной серебряной пряжкой. Маг тоже хотел было найти привычную

для себя хламиду, но неожиданно для всех, обрядился по манере местных франтов, и его высокой, худой фигуре это, как ни странно, подходило более всего другого.

Даже Стырь пришлось одевать в серый зимний плащ с пелериной и в темно-синюю ливрею, что его изрядно развеселило. Зато он первым из всех справился с этим делом, и даже позаботился о местных синих и белых рубашках из плотной хлопчатой ткани, с широкими рукавами и удобным отложным воротом.

В конце концов, было решено, что, несмотря на то, что купили, по сути, одежду готовой, а не заказали ее шить, лишь подогнали тут же, в ателье, выглядеть они стали весьма по-местному, не по-свойски. А уж денег на все это барахлишко ухлопали столько, что экономный Стырь только зубами закрипел, когда принесли окончательный расчет. Зато он оказался хватом, когда стало ясно, что теперь в дормезе места для всех обновок не хватит, то сумел там же, в ателье, приобрести четыре весьма удобных кожаных чемодана, которые можно было везти на крыше, поверх полозьев, и скорее всего, по словам все тех же мастеровых, ни дождь, ни снег их обновки не испортят.

– Это мы еще посмотрим, – злился Стырь на местные цены. – Может, местный снежок или дождик эти чемоданы и не намочит, зато наши-то распогоды...

– Нет, – отозвался Густибус, спокойно помогавший слуге со всеми сложностями по поводу платы за приобретенное. – Тут тоже дожди бывают знатные. И еще обильнее, чем у нас. Океан же близко, и он не замерзает, как у нас реки. И бывают они и зимой, и летом, круглогодично.

– До лета мы тут не задержимся, – продолжал злиться Стырь.

Пришлось князю его немного осадить. Тем более, что теперь он выбирал себе рубахи и всякие мелочи, вроде дополнительных манжеток.

– И что же, тебе тут ничего не нравится? – спросил он Стыря.

– Зачем же сразу – ничего? Многое нравится, служаночки у них ничего себе...

Хохот всей этой чужеземной компании, кажется, заставил даже самых занятых портных оглянуться. Батюшка, отсмеявшись, проговорил:

– И что удивительно, я замечал, это внимание твое, Стырь, не остается без ответа. На тебя ведь тоже заглядываются.

– Знаю, – отозвался Стырь, одновременно смущенный и польщенный этим смехом и скрытым в нем одобрением. – Вот только языкам я не учен. А не то...

Диодор все же выговорил слуге:

– Ты с этим осторожнее, парень, неизвестно еще какие у них тут политесы, можешь нарваться.

– Нарвусь, так ты меня вытащишь ведь, князюшка мой. Да и какие политесы? Дело это одно на всех, и везде... – И заметив, что князь нахмурился, быстро добавил: – Что же делать, если они сами высматривают, может у нас для них новина какая окажется?

– Я тебе дам, новину, будешь у меня на конюшне сидеть, пока от дури своей не откажешься, – продолжал строжить слугу князь.

Вот на это Стырь опять с непререкаемой убежденностью отозвался:

– Так и лошади здешние, князюшка, даром животного умная, тоже новины смотрит. Только уж не у меня, а у Самвела твоего, Табаска Дерпенского, и даже у Буланки нашей...

Теперь рассмеялись даже некоторые из портновских, которым маг, как оказалось, мало-заметно переводил этот разговор. А князь посмотрел на всех своих спутников впервые после выезда из Мирквы с мыслью, что, может, и сложится у них компания, раз так-то смеются сообща. И Стырь все же толковый малый, только вот... боек слишком, может, и придется уговорить его, но в дороге это было кстати. Да и не глуп он, поэтому, скорее всего, и дальше не поглупеет, все правильно будет понимать.

Расплатившись окончательно уже в гостинице, куда было доставлено столько ворохов одежды, сколько князь только на армейских складах и в магазинных видел, расположились немного передохнуть. После походов по городу захотелось есть, но тут уж гостиничный хозяин посоветовал им повременить – обилие и разнообразие герцогского стола вошли в поговорку по всему королевству, и даже за его пределами, тратить аппетит на гостиничную снесь было неразумно.

Поэтому попросту выкупались как следует в горячей воде, что в дороге не всегда выходило, и приодевшись, отправились к герцогу Кеберскому. Стырю было наказано отвезти их, и посторожить дормез у какой-нибудь конюшни, что опять же получилось не слишком по-местному, потому что большая часть гостей прибыла не в экипажах, а в носилках. Но с этим, в виду путешествия, было сложно, и кажется, местные распорядители все поняли правильно.

Дворец герцога, пристроенный к старому замку, который князь высматривал еще днем, поражал воображение не столько роскошью и богатством, сколько вычурностью этого богатства. Создавалось впечатление, что все деньги герцог тратил именно на украшательство, и еще, пожалуй, на кухню.... Ведь на обед явилось не менее чем три сотни разных гостей.

Сначала все торжественно собрались в пустом зале, где играла негромкая музыка, но никто не танцевал, а все переходили от одной группки к другой, чтобы подчеркнуто раскланяться и перекинуться парой слов. Имперцы недолго стояли особняком, к ним тоже стали подходить, представляться, и раскланиваться, что послужило князю еще одним поводом для удивления. Потому что поклоны эти бывали такими долгими, с разнообразными шажками, прыжками и разными прочими телодвижениями, что немногим отличались от танца. Он даже подумал, что тратить время на такие поклоны, – что может служить большим доказательством безопасности и праздности здешнего общества?

Потом состоялся выход герцога и герцогини. Они прошли по образовавшемуся коридору людей, милостиво отдавая улыбки в разные стороны, но было отчетливо видно, что герцог уже настолько пьян, что едва способен говорить. Герцогиня чуть смущенным взглядом показывала, мол, такое бывает, и многие из присутствующих с пониманием к этому отнеслись.

Потом уселись, собственно, обедать. Перемен было столько, что путешественники не поспевали уследить за всеми. По руквацкому обычаю еду полагалось расставлять на столе, а приносить с кухни только то, что могло остыть. Тут же оказалось, что на столе стояли только приборы, а блюда разносили слуги, предлагая их по очереди, впрочем, как заметил князь, каждому что-то свое, и по категориям гостей – иным подавали одно, другим – другое, попроще, или даже вовсе вареные овощи с какой-то кашей, лишь для вида приправленной мясным соусом.

Имперцам, впрочем, подавали, как именитым гостям, хотя и не так обильно и искусно, как за главным столом, за которым восседал герцог с герцогиней, какой-то из папских пре-латов, кажется, местный епископ, и несколько разодетых в пух и прах дворян со своими женами. Имперцы ели, как и положено воинам, сначала помногу, потом поменьше, потом вовсе почти не ели, лишь клевали что-то, чем потчевали их на удивление расторопные слуги. Пили тоже немало, сначала каждый сам по себе, потом прозвучало несколько здравий и пришлось подниматься на ноги, чтобы обозначить понимание и согласие с хозяевами стола, а потом...

Князь Диодор и Дерпен пили очень осторожно, хотя вина, которые им подливали в разнообразные и многие кубки и фужерчики, были выше похвал. Маг пил еще меньше, главным образом потому, что, не переставая, с кем-либо разговаривал, иной раз и через стол, за которым они оказались по специальной подсказке герцогского гофмаршала. Батюшка за всем следил, поблескивая своими очками и добросовестной улыбкой, разговаривал очень

немного, а пил только подкрашенную лимоном воду, которая пузырилась после какой-то особой выдержки.

А потом все в зале изменилось, так бывает на шумных сборищах, и почувствовать это не очень сложно. И князь тоже сообразил – гости перепились. Герцог поднялся, прошелся вдоль столов, причем не все даже офицеры вставали на ноги при его приближении. А он, оказавшись в окружении знакомых лиц, разошелся. Кому-то из слуг вылил на голову свой кубок, потребовал лучшего вина, что-то стал выкрикивать, и опять же, не все его офицеры поддержали, некоторые, как жевали и переговаривались, так и продолжили, не обращая внимания на сюзерена.

Тут к князю пристал странного вида молодой, с едва пробивающейся бородкой местный чинуша, который и на прием пришел в строгом служебном кафтане. Говорил он по-полонски, но так, что ни слова было не разобрать, хотя пришлось князю ему что-то отвечать и тоже на полонском. Чиновник тут же стал говорить чуть более понятно, и оказалось, он представляется, что он какой-то лицензиат и служит при герцогской канцелярии, а еще при университете, который по его словам, весьма неплох, вот только... Дальше Диодор ничего не понял, но зато хорошо понял Густибус, который и повел переговоры далее на феризе.

Неожиданно все поднялись, видимо набивать брюхо было уже не под силу никаким едокам, зато, совершенно неожиданно, многие отправились танцевать, предводительствуемые герцогиней, которую вел на этот раз не герцог, а местный епископ, что было странно. Но делать нечего, поднялись и имперцы.

В зале, под торжественные и тягучие поначалу звуки, лицензиат из университета снова оказался рядом с князем, и стал вдруг очень инетерсоваться целью их поездки. Пришлось сделать вид, что князь его не понимает, и после выразительного взгляда, который отпустил своим Диодор, даже маг сделал вид, что более интересуется танцами, чем разговорами.

Музыка на этот раз стала очень громкой, видимо, потому, что и музыканты изрядно выпили, да и гости танцевали после двух-трех туров не слишком старательно. А еще через некоторое время, где-то в углу зала молодые петушки из офицеров вдруг затеяли чуть не драку. Диодор посмотрел на них, оба из ссорящихся ему не понравились, были они красными, злыми и один из них, что был побойчее на вид, так сжимал губы, что нетрудно было догадаться, что он, возможно, по-настоящему жесток.

Гофмаршал вмешался в их ссору, попробовал заставить одного из буянов вернуть вытащенную наполовину шпагу в ножны, но тут, к вящему удивлению Диодора, вмешался герцог. Он обрадовался казусу, увлек офицеров, и теперь за ними пошли уже многие. Перед выходом в сад из большого и полутемного зала, с окнами чуть не до пола, герцог выхватил у ливрейных слуг два фонаря, выбежал в своем парадном камзоле на снег, и потребовал, кажется, настоящей дуэли.

До дуэли дело не дошло. Как-то странно вышло, князь и сам не понял, но оказался вдруг в центре круга, потому что герцог, заметив его, предложил ему быть дуэльмейстером, и невзирая на протесты Диодора, едва проговоренные на феризе, сунул ему в руку один из фонарей. И все стали смотреть на князя, а герцог продолжал бегать, размахивал руками и что-то выкрикивал.

Вот тогда, тоже не вполне внятно для князя, вперед выступил Дерпен. Он спокойно вытащил из рук Диодора фонарь, воткнул его в снег, потоптался, скинул свою ферязь, и жестами подсказал обоим поссорившимся сразиться с ним на кулачках. Сначала местные не поняли, но потом... Герцог вдруг пришел в восторг. Он даже попробовал говорить с Дерпеном по-полонски, но слова его звучали еще с более непривычным и диким выговором, чем у давешнего лицензиата, поэтому Густибусу пришлось за всех переводить.

Бойцы, кажется, уже и сами были не рады, что все так обернулось. Тот, что был все же постарше, попробовал улизнуть, но ему не позволили. Другой тоже смотрел на своих

товарищей, явно обращаясь за поддержкой. А князю на ухо прошептал батюшка, который, как оказалось, все понимал лучше князя:

– Они боятся драться, наслышаны про умение руквацев сражаться без оружия, пустой рукой.

Очевидно, что-то похожее и Дерпену сказал Густибус, который не отходил теперь от него, переводил что-то и отвечал за него веселящимся офицерам. Впрочем, не только эти люди получали удовольствие, князь мельком оглянувшись на дворец, там у окон собралось немало зрителей, и среди них высокими прическами выделялись дамы.

– Батюшка, а нельзя ли как-нибудь незаметно отсюда...

– Не выйдет, князь, Дерпена не выпустят, кажется.

– Глупо получается, – вздохнул князь.

– Или наоборот, кто-то очень постарался, чтобы вышло именно так, как вышло.

Это тоже было правильно. Князь и сам понимал, что все это могло быть подстроено. Но что же теперь делать?

И лишь Дерпен ни о чем не волновался. Он расхаживал, разминая руки и странно, чуть шире обычного расставляя ноги в не вполне удобных новеньких башмаках. Наконец, кто-то из офицеров, подзадориваемый общим гамом, выкрикнул предложение, чтобы двум драчунам, с которых все началось, в подкрепление вышло еще человека три-четыре. Дерпен согласно кивнул, даже, кажется, обрадовался, улыбнувшись, чтобы это было не слишком заметно, в сторону темного парка.

А дальше все обернулось очень просто. Шестеро местных попробовали было звездой, с разных сторон атаковать Дерпена, который стоял на месте, почти не выходя за пределы образовавшегося круга. Молодой из предполагаемых дуэлянтов попробовал махать ногами, кто-то из более умелых, разогнавшись, бросился на восточника, чтобы связать его борцовским захватом, еще кто-то просто решился достать его кулаками... И ничего из этого не вышло.

Дерпен качнулся в одну сторону, в другую, неуловимо ушел от атаки борца, перехватил руку боксера, нырнул под ногу молодого дуэлянта, и... Неожиданно он уже стоял над лежащими телами. А на снегу то там, то сям появились пятна крови. Тот, что пытался бить ногой, не мог подняться, Дерпен его так хватил о землю и притопнул, что он теперь только корчился. Боксер сидел, зажимая нос и губы, из которых потоком вытекала юшка, борец был без сознания, у него, кажется, дело обстояло хуже всех. Трое других сумели подняться, но вид у них теперь был далеко не геройский, драться они больше не горели.

Дерпен, холодно поблескивая глазами, мельком поклонился в одну сторону, в другую, и пошел подбирать свою ферязь, которую теперь со скромной улыбкой держал батюшка, готовый помочь воину одеться. Герцог разразился криками восторга, словно ради этого представления и был устроен весь обед, который только теперь несомненно удался. Обхватив за плечи Дерпена, который казался рядом с тщедушным герцогом великаном, хозяин замка повел восточника, в зал, где на столах уже остались только кувшинчики с вином. Князь, понимая, как все это бестолково и бессмысленно, отправился за ними.

А герцог что-то горячо втолковывал Дерпену, что переводил не отходивший от них Густибус. Князь попробовал было оказаться в стороне, но герцог и его заметил и заставил подойти. Маг тем временем, стал и ему переводить:

– Какая статья, он говорит... – Густибус поискал глазами винные кубки на столах. – А теперь считает, что нужно обязательно выпить. Только не так, как эти, гм... девочки, это он про офицеров своих... А по-настоящему.

– Может, не стоит? – замялся князь, но его никто не слушал.

Герцог Кебер только обнимать его за плечи принялся, а сам показал что-то слугам, и те вдруг выволокли ко всей компании совершенно невероятную, размерами до полуведра

стеклянную штокувину, в которой по кайме плескалось... Что это было, князь не разобрал. Но герцогу этого показалось мало, он стал выливать в нее разные вина, до каких только мог дотянуться на столе.

Бурда получилась жуткая даже не вид, впрочем, это никого не смущало. А затем герцог поднял чашу, больше смахивающую на церковную купель, и попробовал из нее пить. У него получилось плохо, потому что он шатался. Тогда он протянул ее Дерпену, тот жалко улыбнулся по сторонам, но вокруг него уже стояли офицеры, с которыми он дрался, поддерживаемые своими друзьями, потому что после драки они не могли вполне очухаться. Тогда Дерпен стал пить, хотя и не очень, большую часть старательно выливал себе на грудь, так что даже герцогу стало жалко вина, он отобрал чашу и передал ее, беспрерывно лопоча что-то, тому, кто бросился на Дерпена с кулаками. Кровь запеклась у того вокруг ноздрей, и одного зуба не было, когда он, криво улыбаясь, тоже принялся пить.

Одобрительные возгласы офицеров подтвердили, что все происходит правильно. Потом напоили еще и того, кто махал ногами, но бедняга сразу же, как от него убрали чашу, сел и стал давиться, его подхватили под руки и повели скоренько куда-то, где его, наверняка, вывернуло наизнанку.

После этого, по-прежнему обнимая Дерпена за плечи, герцог стал говорить, что сам он тоже несомненный имперец, потому что где-то когда-то служил под мирквацкими знаменами, с кем-то из Империи по сию пору знает... А Диодор попробовал протрезветь усилием воли, и это ему отчасти удалось.

Князь знал за собой такую особенность, от сильного желания он умел собраться и начал думать по-особенному, иногда даже получалось, что при этом соображал лучше и точнее, чем обычно. Вот и сейчас он вдруг понял, что понимает герцога. А тот продолжал разглагольствовать:

– Мне не только ваше, имперское, умение драться нравится... Я полагаю, что потому-то вашу штыковую атаку никому в целом свете удержать не удавалось, что вы такие вот... У вас же в деревнях главное развлечение – драться на кулачках, разве нет?

Густибус что-то перевел Дерпену... А тот вдруг ответил заплетающимся языком, и все умолкли на миг. Густибус отчетливо ответил за воина на феризе:

– А нас на кулачках только холопы дерутся, и это правда – для удовольствия. Воины же дерутся иначе, более умело.

Почему-то это вызвало новый прилив радости у всех, и теперь чашу, по-прежнему все время наполняемую чем придется, в том числе, как почти с ужасом заметил князь, даже полонской водкой, пустили по кругу. Когда она дошла до Диодора, и тому пришлось к ней приложиться, после него ее перехватил все тот же лицензиат из герцогской канцелярии. Он и вправду выпил немало, так что даже следующий из ожидающих почти вырвал лохань из его рук, чтобы продолжить этот странный ритуал, но тут же, повернувшись к князю с улыбкой, сказал, на этот раз уже на неплохой руке:

– В питии ваше рукацкое умение мы почти постигли.

– Если не превзошли его, – усмехнулся князь.

И он почти закрыл глаза, потому что вдруг увидел, что лицензиат этот был трезв, как стеклышко. Он даже бравировал тем, что остается трезв, хотя должен был по всему лежать где-нибудь в сторонке, как тот офицер, которого утащили в парк.

– Хотелось бы поговорить, князь, – сказал лицензиат, намереваясь, видимо, продолжить расспросы.

– Позже, – отозвался князь, – позже, если позволишь.

Его за рукав из общей кучи, образовавшейся вокруг разошедшегося герцога с пьяненьким Дерпеном, вытащил батюшка. Вот он-то был спокоен, и хотя улыбался обычной своей улыбкой, на этот раз она выходила напряженной.

– Прошу тебя, князь, не хмелеть. Что-то этому парню, – он кивнул в сторону лиценциата, который пытался снова протолкнуть к ним, – от нас нужно.

– Откуда зна-аешь? – спросил князь. – Может, он пр... прос-то, – язык его не слушался, – развлекает... вле-кает меня?

– Он что-то принял для трезвости, – тихо отозвался батюшка, – только не пойму, магия тут или медицина?

Внезапно в зал вошла герцогиня, предводительствуя целым сборищем разных дам, из которых многие были весьма целеустремленны остановить этот офицерский загул, и обратить внимание на себя.

– Тогда так... – решил Диодор, – Иона, придержи меня, сильно.

Он оперся на руку батюшки чуть не всей тяжестью и протолкался вперед. Герцогиня что-то выговаривала мужу с нескрываемым раздражением, у нее даже пятна пошли по не вполне красивому, суховатому лицу. Некоторые из ее дам тоже отвели в сторонку своих кавалеров, так что пройти оказалось возможно.

Дерпена почти так же, как Иона князя, или даже еще крепче, придерживал Густибус. Князь строго посмотрел на воина и проговорил почти без звука, на койне, который странно прозвучал под этими сводами, в окружении этих людей:

– Уходим, немедленно.

И снова, как уже бывало, стало на мгновение очень тихо, все умолкли. Герцогиня даже обернулась к ним, герцог качнулся, попробовав повернуть голову. Князь сделал вид, что широко улыбается и кланяется почти на местный манер, с широким отступом назад, вот только разогнуться у него не очень-то получалось. Но батюшка не сплеховал, подхватил его, выпрямил.

И Дерпен двинулся за ними, странно приседая, и пробуя раскачивать головой, будто она не держалась на его шее. Густибус сделал отчаянно извиняющуюся улыбку, и тоже поволок его. Они шли к выходу, а герцогиня вдруг стала говорить что-то резко и зло. Князь заставил себя слушать, хотя выговор герцогини теперь был совсем незнакомым, с какими-то прищелкиваниями, но фериз князь теперь все же разбирал, еще оставалось в нем эта вот... расширенность сознания:

– Дикари, они и есть... Имперцы! Учтивости не знают, только и умеют, что...

Дальше князь не расслышал, они оказались перед широкой лестницей, ведущей к выходу. Густибус выглядел ошеломленным то ли такой бестактностью князя, то ли его решительностью, то ли словами герцогини, которые он-то уж понял совершенно.

– Все же не следовало так, – пробормотал он.

Тогда князь почти обернулся к нему, и твердо, по-командному, несмотря на внезапную икоту, переспросил:

– А ка-ак? Раз мы здесь ок-казались? – Потом он опомнился, и почти весело сказал батюшке: – Ты, если взялся, тащи теперь меня... в карету – слуги ж вокруг, донесут герцогине. Б-будем соблюдать эт-ту игру.

А потом еще подумал – знать бы только, что же это за игра такая? И зачем она кем-то устроена?

8

До Парса оставалось едва ли два дня пути, но с похмелья ехали медленно, тащились как на похоронах. Самое удивительное было то, что изрядно пьяным оказался и Стырь. Он едва мог править, и все время подходил к князю, чтобы что-то ему объяснить едва ворочающимся языком.

Зато батюшка был спокоен, и скептически поглядывал на своих спутников, а теперь, когда они оказались в парских землях, можно было бы сказать и компаньонов. Дерпен страдал больше всех. Как бы он ни притворялся перед кеберским герцогом, что пьет из его лохани ту жуткую смесь, которой герцог решил отметить его победу в рукопашной, как бы ни проливал эту бурду на грудь, все же в его желудок, мало пригодный для спиртного, попало, видимо, достаточное количество, чтобы воин был недовольным и всего стыдился. Также трудновато приходилось, конечно, и князю, но его еще вечером своими травами отпоил Густибус, и как показалось Диодору, маг и сам выпил немало настояев из своих пузырьков.

Но по-настоящему лечить следовало бы только Стыря. Тот не только тяготел к неумеренной разговорчивости, но и на козлы взбирался так, что князь всерьез захотел его сменить, и уступил только после того, как Стырь пьяно и неубедительно, но решительно, вздумал этого не допустить. То есть, было проще уступить ему и понадеяться на удачу, чем спорить.

Удачи хватило не надолго, не успели они проехать и десяток миль, как Стырь, пьяной рукой направил дормез напрямик на одну из каменных тумб, которыми тут вдоль дорог что-то обозначали – то ли расстояния, то ли бывшие некогда границы между королевствами. Впрочем, отмечать границы тут, по мнению князя, было глупо, они так часто менялись во всех прежних войнах и из-за нынешней частной политики, браков и обмена территориями, что уж всяко срывать и переставлять эти тумбы приходилось бы местному люду постоянно... Если бы этим было кому заниматься, и за правильностью этих разметок следить.

Поломка оказалась незначительной, только добрались до ближайшего городка, как уже к обеду экипаж был снова готов в путешествие. Но одна особенность князя заинтересовала. Когда они сидели в таверне, пережидая ремонт, к ним очень уж учтиво стал подкатывать хозяин заведения. Он и так, и эдак пытался выказать свое почтение, настолько, что даже пришлось его спросить – мол, откуда он знает, кто они и что будут тут проезжать? Ведь теперь издали их невозможно было отличить от местной публики, ну, почти невозможно... И у них был Густибус, был даже батюшка, который мало чем отличался от местных монахов, и все тот же Стырь, не снимающий свою новую накидку... На что простодушный, румяный хозяин весело отозвался:

– Так мне сказали, чтоб я...

И лишь тогда что-то свое сообразил, осекся и исчез в кухне, причем всю компанию стала обслуживать почти такая же румяная служанка, а может, и не служанка, а дочь хозяина, уж очень на него лицом была похожа. Когда же князь решил продолжить этот разговор, поразмыслив, что все это обстоит довольно странно, то выяснилось, что хозяина нет и не будет до вечера.

Тронулись в путь. Князь не мог не задуматься об этом, и у ближайшей переправы через крохотный, по меркам Империи, ручей, через который и мост не следовало ставить, но который тут все же поставили, да еще и с вооруженной охраной, чтобы сдирать местный налог, Диодор стал расспрашивать сержанта. Парень оказался бравый, по всему видно, что старослужащий, а значит, неразговорчивый и внимательный. Но и он все же не устоял перед полупистом, странной монетой в пять ливров, что по словам Густибуса, было едва ли не больше, чем этот сержант получал за неделю.

– Все просто, господин, – хмуро и осторожно, чтобы не заметили подчиненные, говорил стражник. – Еще утром тут был гонец, который про вас изрядно нарасказал.

– Что он мог рассказывать, если мы тут еще не проезжали? – князь все же решился говорить на феризе, потому что маг, который стоял рядом, мог не понять важности разговора, и неправильно его перетолковать.

– И я ничего почти в том не понял, – ответил сержант. – Только ты уж, принц, помалкивай, что я тебе о том сказал. Мне было велено только расспрашивать тебя, или кого-нибудь из ваших. Но не подавать виду, что я вас тут поджидаю.

Поехали дальше, князь уже почти все понял. Теперь за ними следили, и слежка за ними была такой плотной, что их не только преследовали, выясняя, возможно, у каждого хозяина в таверне, где они ненароком задержались или отобедали, о чем говорили странные путешественники, но и обгоняли, чтобы обратить внимание всех стражников и прочего придорожного служивого и торгового люда, что к их разговорам следует прислушиваться.

Против этого оказывалось то обстоятельство, что ни один из местных не мог хорошо знать руку и был не способен передать их переговоры между собой. Но в пользу этой версии говорило то, что предупреждать этих самых сержантов или трактирщиков без последующего их опроса, то есть, следуя за их дормезом, было бы глупо. Даже если бы их слова кто-то и понял, они бы не достигли того... кто все это наблюдение устроил.

Покачиваясь на неровностях дороги в отремонтированном дормезе, князь предупредил всех, чтобы теперь держали ушки на макушке, разумеется, поговорив и со Стырем. Тот лишь пьяно покивал в ответ и предложил снова нанять тут платных возчиков, уже до самого Парса. Князь посмотрел на него, и отказался, ответив, что это будет ему уроком.

Новость путешественники восприняли спокойно, маг лишь кивнул, соглашаясь, что это возможно, и отозвался так:

– Однако, отвык я от этого.

– От чего именно? – спросил его батюшка.

– Культура, – туманно отозвался Густибус и неожиданно выругался так, что даже князь подивился, он и от Стыря не слышал таких-то замысловатостей.

Тогда Дерпен повернулся к князю и, пробуя собрать глаза в осмысленный взгляд, заметил:

– Знаешь, кна... князь Диодор, я тож-же заметил... Почувствовал. Только думал, что мнится мне. Ан нет, не мнится, ока... Оказалось.

– Ты спи лучше, – посоветовал ему князь. – С теми, кого послали приглядывать за нами, мы уж сами как-нибудь управимся, если потребуется.

– А зачем управляться? – спросил тогда отец Иона.

Князь ему улыбнулся успокаивающе.

– Не знаю пока, мы ничего не можем с этим поделать... Теперь у меня нет уверенности, что эта слежка установлена после Кебера. Может, и раньше была, только мы ее не заметили.

– Верно, – согласился Дерпен, по-прежнему пробуя выглядеть трезвее, чем он был. – Теперь... и-эх... Добраться бы скорее до Парсы.

– До Парса, – поправил его маг. – Ваша восточная Парса... – он подумал, прежде чем продолжить. – Отсюда, должно быть, за полторы тыщи лье находится... Что в верстах...

Дальше он говорить не мог, и убедившись в этом еще раз, уснул, как и Дерпен.

До какого-то не очень удобного, но довольно спокойного постоянного двора добрались уже перед темнотой, и князь с удовольствием убедился, что его предостережение оказалось действенным. Все, включая Стыря, разговаривали только о постелях, о еде и еще о хороших дорогах, по которым катили последние дни.

Следующий день прошел с откровенной торопливостью. Князю хотелось завершить путешествие, добраться до Парса как можно скорее, но неожиданно пошел снег, и это сде-

лало дорогу куда труднее, чем прежде. А может, и снегопад был не виноват, все же снежок тут падал такой мягкий и реденький, что его, по руквацким меркам, вообще не стоило принимать в расчет. Но лошади откровенно выдохлись за все эти бесконечные перегоны, и тянули едва-едва. Да и возчик, которого князь нанял-таки из жалости к Стырю, оказался какой-то квелий, не умел ни погонять, ни удерживать долго гоньбу. Поэтому ночевать пришлось снова в какой-то гостинице.

И третий день прошел вяло, по мнению князя, вот только одно и оказалось полезным – когда подъехали все же почти в темноте к столице королевства, все уже протрезвели настолько, что было не стыдно показаться перед здешним послом. Только Стырь, деревенщина эдакая, никак не мог привести себя в чувство, за что Дерпен, вполне по-восточному, прихлопнул его слегка по плечу. Стырь, как ни удивительно, от этого все же очухался, и даже попробовал было за последним обедом не пить вовсе.

Этот местный обычай выставлять на каждом обеде, и даже завтраке, не говоря уж об ужине, пару-тройку винных кувшинов, стал князя раздражать. Он и сам пробовал пить только воду, но она оказалась настолько невкусной, настолько отдавала гнилостным запахом, что он, в конце концов, стал поступать по примеру Дерпена и батюшки – разбавлял ее до половины вином. И только Густибус пытался пить одну воду, да еще Стырь, после того, как Дерпен его пристыдил своим пристуком.

Когда проезжали Сенные ворота Парса света еще было достаточно, зато, как и раньше, с низкого, серого неба посыпалась снежная крупа. Это делало и свет, и окружающие дома лучше, краше, чем они были, кажется, на самом-то деле. Зато когда оказались в городе, и принялись петлять по узким и на редкость грязным улицам, стало ясно, что ничего в этой столице, с позволения сказать, особенно красивого нет как нет. Или они въехали в Парс с самой неудачной стороны, такое тоже могло случиться.

Батюшка неожиданно высказался, что слышал, что город этот шаловлив, и тогда Дерпен достал из своего тюка какой-то мелкий пистолет и пару крепких дубовых штырей, скрепленных кованной цепочкой. Батюшка похмыкал на такую браваду и задумал об этом потолковать основательней, но неожиданно и Густибус выволок ту самую дурацкую шпагу, которую прихватил в Кебере, и поставил под руку. Тогда и говорить стало не о чем.

А потом, к счастью, дома пошли краше и выше, даже не дома уже, а дворцы, и площади приняли вполне привычный по Миркве, широкий и раскидистый вид, и стало ясно, что они подъезжают к дворянской части города, где и находилась посольская колония Империи.

Так и оказалось. Тут между двумя весьма ухоженными и богатыми дворцами, прямо на аллее, с обеих сторон обсаженной голыми по зиме, но пушистыми от снега деревьями, стоял почти обычный мирквацкий терем, с уместными завитушками, с высоким крыльцом, с подклетьями, которые могли запросто выполнять и оборонительные функции, и с окнами, забранными привычным руквацким переплетом. Вот только ограда перед этим домом была не высокая и глухая, а чугунная, черная и видимая насквозь, как сеть. Это и был шат-о'Руквацци, главное здание имперской колонии в Парсе, в которой по совместительству размещалось посольство.

И только тут князь Диодор неожиданно для себя понял, что за последние дни неплохо выпался, и может не только вести любые переговоры с послом, но и, пожалуй, ждет их. Впрочем, пока Стырь принялся за коней, а остальные путешественники устроились в теплой и привычно обставленной приемной, его тоже подержали в какой-то светелке, обвешанной шпалерами и чудно выглядящими картинами на холстинах в тяжких и резных деревянных рамах. Лишь потом ввели в библиотеку, где стояли отличные кресла, мягкие и удобные, как восточные диванчики. Тут же почему-то предложили закурить, но князь, разумеется, не курил, и относился к этому обычаю западников неодобрительно.

А потом появился странноватый распорядитель, высокий, с удивительно вытянутой головой, словно его растили, подложив с обоих висков дощечки, чтобы он стал похож не на человека, а на рыбу какую-нибудь. И впрямь, в его лице было что-то рыбье, вот только князю чрезмерно рассматривать этого типа не хотелось. Ему хотелось доложиться и выслушать все-таки объяснение – зачем его таким спехом гнали сюда, и что за дело ему предстоит. Но распорядитель посольства повел себя иначе, чем князь ожидал.

– Князь Диодор Полотич род Кастиан Ружеский, – заговорил секретарь голосом низким и красивым, совсем не подходящим к его вытянутой голове, – рад приветствовать тебя в Парсе.

При этом он раскланивался в манере, которую князь уже видел в Кебере, с отступлениями, легкими приседаниями и нелепыми подпрыгиваниями, словно они были на официальном приеме. Не такого хотел бы князь, и это его раздосадовало.

– Позволь представиться, секретарь посольства шевалье Атенем д'Ош, к твоим услугам.

Князь смотрел на него некоторое время молча, потом произнес:

– Мне бы не с тобой поговорить, Атенем, а с...

– Никак невозможно, князь. Его превосходительство посол находится на ассамблее за городом, и прибудет... Я не уверен, но он может появиться даже завтра.

– А послать за ним возможно? – спросил князь Диодор.

– Приношу извинения... – Дальше из этого типа посыпались такие залихватские и велеречивые объяснения, по-прежнему смешанные с извинениями, что досада князя только усилилась.

Пришлось сказать ему прямо, почти по-армейски:

– Ты спокойнее, Атенем, я не привык еще к вашему обращению. Давай к делу, известия новые из Мирквы есть?

Слова секретаря посольства выговаривал чудно, иногда проглатывая звуки, а иногда взрывкая, что делало его речь скачущей. И был это, по-видимому, не акцент, а просто отсутствие привычки говорить на руке. Но Атенем старался, и все отчетливей произносил слова, пытаясь сойти за настоящего имперца.

– Новых известий, которые я мог бы передать тебе, князь, нет. Мы просто получили известие о предполагаемом прибытии... всех вас, и готовились к тому, что... Да, мы думали, что вы будете здесь позднее.

– Это почему же?

– Торопиться вам, по нашему мнению, смысла не было. Жизнь тут идет неспешно.

Князь посмотрел на секретаря удивленно.

– Не знаю, как живут чиновные в Парсе, но я-то по-другому думал. Я офицер, еще пару месяцев назад воевал на наших южных рубежах... А на войне все делается бегом, Атенем. Иначе я не обучен.

– Нам известно, что ты – офицер. И это нас весьма удивило, ведь дело, которым ты, кажется, должен будешь заниматься, не подлежит...

– Вряд ли стоит тебе судить о том, кто и как должен заниматься делом, которое мне поручено. – Князь и сам не ожидал, что у него получится такой вот выговор этому... длинноголовому. Но раз так вышло, значит, так тому и быть. Все же князь смягчил тон. – Так когда я смогу переговорить с послом?

– Хорошо, я пошлю за ним, – отчего-то вздохнул Атенем, – с известием о вас. Но только, все же... торопиться не след. Вы прибыли – это главное.

И в армии такое тоже бывало, то говорят, мол, быстрее и еще быстрее, а то вдруг оказывается, что нужно ждать и ждать. К этому князь привык, каждый, кто служил по-настоящему, к этому привыкал. А все же неуместная, почти детская досада князя не проходила,

он представил себе дорогу, по которой они гнали, останавливаясь только для того, чтобы кони передохнули и люди могли поесть... Ну, как тут было не досадовать? А Атенем, тем временем продолжал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.